

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

The poster features a woman in a long, flowing blue dress with a peacock feather pattern, standing with her arms outstretched in a dramatic pose. She is positioned in front of a large window with a grid pattern, through which red roses are visible. To the left of the woman is a classical bust of a woman's head. The background is a dark, stormy sky with white clouds. The overall mood is dramatic and mysterious.

О Л Ъ Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ДЕВЯТЬ КРУГОВ РАЯ

Ольга Володарская
Девять кругов рая

«ЭКСМО»

2011

Володарская О. Г.

Девять кругов рая / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2011

Леша Назаров не любил вспоминать детдом, хотя именно там он принял решение пойти работать в милицию. Когда его любимая девушка погибла от руки маньяка по прозвищу Спица, для Леша стало делом чести найти его... Милана Черемушкина не любила вспоминать детдом, хотя сейчас она возглавляла благотворительный фонд помощи детям-сиротам. Его работу нарушило убийство главного экономиста Рамиля Файзарова. Его закололи спицей – так расправлялся со своими жертвами маньяк... Света Зарубина не любила вспоминать детдом: ей до сих пор не удалось избавиться от приобретенных тогда фобий. Она давно развелась с Рамилем, но в день его смерти они снова поругались... Милана со Светой стали главными подозреваемыми в этом преступлении, но расследованию мешали чувства к Леше, вспыхнувшие в обеих женщинах. И его любовь лишь к одной из них...

© Володарская О. Г., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Володарская

Девять кругов рая

Часть I

Глава 1

Леша Назаров видел в темноте, как кошка. Эту способность он в себе открыл еще в детстве. Тогда ему было десять лет, и мальчишки-старшеклассники заперли его в подвале. В их детдоме это была главная забава: оставлять «неудобных» в сыром, темном, кишасщем крысами подвальном помещении на ночь и слушать из-за двери, как узник плачет, просит прощения и обещает отдавать все сладости, если его выпустят... Большинству заключенных после этого давали свободу. Но некоторым приходилось сидеть в подполе до утра. Одному пареньку, когда он уснул, крыса откусила мочку уха. От боли и страха он так орал, что разбудил сторожа. Тот выпустил беднягу и отправил его в лазарет. А подвал после этого случая заперли на два замка. Только детдомовское хулиганье нашло туда другую дверь, и забава продолжалась. И она казалась всем после укуса крысы еще более занимательной.

Леша стал первым, кого посадили в подвал после того происшествия. Мальчишки немного трусили, опасаясь, что их застукают и накажут, поэтому собирались выпустить пленника сразу же, как только он начнет умолять об этом. Но, к всеобщему удивлению, из-за запертой двери не раздалось ни звука. Леша даже не заплакал! Он кусал кулаки, крепко зажмурился, чтобы не дать слезам воли, и шептал: «Не реветь, не реветь, не реветь...» Он знал: стоит один раз дать слабинку, как тебя затравят. Его учил этому отец, тюремщик. Батя имел три ходки, первую по малолетке, и знал, о чем говорит.

Когда отец в пьяном угаре убил мать Лешу, его посадили в четвертый раз. А сына отправили в детский дом.

Леша пробыл там полгода, прекрасно лады со всеми, пока не сцепился с Гошей Касаткиным. Тому было тринадцать, но он едва доходил своим ровесникам до плеча. Маленький, тощий, дерганый, он являлся грозой всего детдома. Его даже старшеклассники побаивались. Потому что Гоша был совершеннейшим психом (за глаза его так и называли, Касаткин знал об этом и ненавидел свое прозвище) и уже в столь юном возрасте имел садистские наклонности. Он переловил всех кошек и собак в округе, с кого-то содрал кожу, кого-то поджег. Когда же ему попала ворона с подбитым крылом, он не просто замучил ее до смерти. Он подбросилдохлую птицу в портфель одной девчонке и хохотал, когда та визжала от ужаса. Тогда-то Леша и сцепился с Гошей. Девочка, которую он напугал вороной, Леше очень нравилась, и он считал своим долгом за нее вступить...

Драка была недолгой. Леша, хоть и был младше, оказался сильнее. Возможно, еще и потому, что Касаткин после своих садистских выходок становился заторможенным. Как будто впадал в транс. И Леша смог его одолеть. Но вечером он за это поплатился. После отбоя его стащили с кровати, отволокли в подвал и там закрыли. Гоша нетерпеливо переминался у двери, ожидая, когда Леша попросит пощады. Но тот молчал. А если и плакал, то так тихо, что никто не слышал. А вот Назаров слышал многое...

Сначала топот удаляющихся шагов (его оставили в подвале до утра), потом капанье подтекающей из труб воды, а затем шуршание и скрежет. Леша понял, что последние звуки издают крысы. Они бегают где-то поблизости и что-то грызут. Когда он уснет, эти твари подберутся к нему и объедят лицо. Страх при мыслях об этом был так велик, что Леша распахнул зажмурен-

ные глаза. Он знал, что вокруг крошечная тьма, и не надеялся что-то увидеть, но с удивлением понял, что различает очертания предметов. Когда же глаза немного привыкли к темноте, Леша стал видеть еще лучше. Не как днем, конечно, но все равно отлично. Странно, что раньше он не замечал этой своей способности. Хотя, возможно, он обрел ее именно тогда, когда оказался один в подвале, кишасщем крысами.

Кстати, их самих он тоже разглядел! Крыс было множество. Огромные, лоснящиеся, с голыми хвостами, они шныряли повсюду, не обращая на Лешу никакого внимания. Но он знал, стоит задремать, как они подберутся к нему и...

Он не спал всю ночь. Когда начинал клевать носом, больно щипал себя за щеки. Утром, когда его выпустили, он еле держался на ногах.

С тех пор прошло двадцать лет. Но способности видеть в темноте Леша не утратил. И благодаря ей он, единственный из следственной бригады, знал, куда надо идти, чтобы обнаружить труп, о котором сообщил по телефону сторож стройки. Старик, дождавшись милиции, все рассказал, но провожать бригаду наотрез отказался. Сказал, что и так страху натерпелся, хватит, мол, в моем возрасте надо поберечься...

– Назар, ты куда чешешь? – окликнул Лешу коллега Витек, носящий звучную фамилию Сказка. – Старикан же сказал, за бочкой с цементом нужно повернуть направо.

– Нет, нам туда! – Назаров выставил руку вперед.

– Ты – прям как Дадитс.

– Кто?

– Ты что, не смотрел «Ловца снов»?

– Что это?

– Кино, мать твою ети. По Стивену Кингу.

– Когда ты только успеваешь кино смотреть? – покачал головой Леша. Он видел труп и стремительно к нему направился.

– Я все успеваю, Назар, в отличие от тебя, – хохотнул Виктор. И Сказка, и Назаров были холостяками, но у Леша личной жизни практически не было, а вот его товарищ умудрялся крутить романы без остановки. – Так вот, в этом фильме был такой герой, Дадитс. Слабоумный парень, но со способностями невероятными, в том числе в поиске...

– Спасибо за сравнение, – усмехнулся Леша. – А теперь посвети!

Сказка выставил вперед фонарь, чтобы видеть, куда ступать.

– Теперь разглядел? – спросил у него Леша.

Виктор поводил лучом туда-сюда и наконец рассмотрел труп. Он лежал на груде керамзита.

– Мужик вроде?

– Точно.

– А сторож сказал, хрен поймешь, кто.

– Его, наверное, ввели в заблуждение волосы покойного. Они длинные.

Леша обогнул внушительную кучу кирпича, преграждающую путь, и подошел к трупу. Сказка не отстал и встал рядом, вскинув фонарь над головой. Свет только мешал Назарову, и он попросил:

– Убери, пожалуйста, фонарь. Дай мне пару минут, а потом свети сколько влезет.

Сказка его просьбу выполнил.

Когда луч скользнул вниз и покойник вновь скрылся во мраке, Леша смог его хорошо рассмотреть. Мужчина лет тридцати пяти, физически развитый. Не бомж, не пьянь, средне-статистический гражданин. Одет неплохо. На руке часы скромной швейцарской фирмы. На шее цепь золотая. Значит, убийство совершено не с целью ограбления.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Витек.

– Ясно что – труп.

- Это я и без тебя знаю. А умер чувак отчего?
- Видимых повреждений нет, так что пока не скажу. – Леша склонился над покойником. – Шея не сломана. Крови на теле не вижу.
- Может, он сам, а? Сердечный приступ или что-то вроде?
- Размечтался, – хмыкнул Леша.
- А что? Мало ли... Сейчас и молодые мрут от старческих болезней.
- Он пришел на стройку, чтобы умереть? Для этого пробрался на огороженную территорию, отыскал укромный уголок, нашел удобный «одр», лег и отдал концы? Да он оригинал!
- Может, он тут работал? Дед – ночной сторож. Он не обязан всех знать.
- Логично. А кем работал чувак, на твой взгляд?
- Что, если он архитектор? Или представитель фирмы-застройщика?
- Вполне возможно. Только, сдается мне, даже если он и являлся тем, кем ты предполагаешь, его все же убили.
- Пессимист ты, Назар.
- Реалист, – поправил его Леша.
- Тут он услышал за своей спиной кряхтение. Это означало, что к ним приближается судмедэксперт Семеныч. Семенычу до пенсии оставалось пару месяцев, но тяжело ходил он не из-за возраста, а потому, что вес мешал. Эксперт весил килограммов сто пятьдесят. Сколько Леша его помнил, Семеныч пытался избавиться от лишних кг. То на диетах новомодных сидел, то чудо-пилюли принимал, то кодировался. А пару месяцев назад ему сделали операцию на желудке. Леша не вникал, но понял одно: кольцо какое-то Семеныч на него поставил. Чтоб пища проходила малюсенькими порциями. И теперь эксперт звенел, когда проходил через металлоискатель. Ему даже справку выдали, чтоб показывал ее в аэропортах.
- Назаров, ты где там? – пропыхтел Семеныч. – Ни хрена не видно...
- Сюда иди, – откликнулся Леша.
- А посветить?
- Витек пошел навстречу эксперту. Чтобы тот, пробираясь, не сломал себе что-нибудь. Ведь если упадет, то все, без травм не обойдется.
- Вы почему не сказали сторожу, чтоб прожекторы включил? – бубнил Семеныч.
- Включены они.
- Так отчего не видно ни хрена?
- Повернуты они не туда, куда надо.
- Да нет, именно туда, – поправил его Леша. – Убийца не зря выбрал это место. Тут темно! Хотя... – Назаров коснулся окоченевшей руки покойника. – Нет, пожалуй, когда он умер, было еще светло...
- Семеныч тем временем достиг кучи керамзита и устало опустил на «предгорье».
- Фу, замучился, – выдохнул он.
- Семеныч, что-то я не вижу, чтоб ты похудел, – проговорил Виктор, придиричиво глядя на эксперта.
- А ты глаза разуй! – осерчал тот.
- Похудел то есть?
- На двенадцать килограммов.
- Всего-то? Да при твоей массе это вообще фигня. Вот если б я столько скинул, стал бы моделью. – И он похлопал себя по округлому животу. В остальном Сказка действительно был почти идеальным.
- Измучился я, ребята, – плаксиво пробухтел Семеныч. – Глазами все готов сожрать. Но кладу в рот кусок, пережевываю его несколько минут, глотаю, и все... Не лезет ничего.
- Так это ж хорошо! Насытился, значит, больше не съешь.

– Желудок – да. Насытился. А глазами я бы еще столько сожрал... И у меня желудочный сок вырабатывается. Из-за этого такая горечь во рту, что я как беременная женщина, блевать бегая то и дело.

– Ужас какой! – Сказка аж передернулся. – А нельзя как-то это исправить?

– Нет.

– А если убрать на фиг это кольцо?

– Его уже не уберешь. Если только растянуть. Но я не хочу. Мне похудеть надо. Хотя бы на тридцать кило.

– Семеныч, не хочу расстраивать, но тебя и тридцать не спасут. Пятьдесят как минимум.

– Да знаю, знаю! – отмахнулся от надоеды эксперт. Затем поднялся и спросил у Леша: – Что скажешь?

– Не пойму, как его убили. Но я не кантовал труп, тебя ждал. А вот наивный Сказка считает, что мужик скончался естественной смертью.

– Придется его разочаровать, – сказал Семеныч, натянув перчатки. Он еще не притронулся к трупу, но уже сделал главный вывод: – Смерть насильственная. Наступила часов пять назад.

– А где же следы этой самой насильственной смерти? – не желал сдаваться Витек. – Ни крови, ни ран, ни следов удушения...

– Кровь есть. Вот. – Семеныч ткнул пальцем в грудную клетку покойного. Сказка приоткрыл глаза к пестрой рубашке и увидел небольшое пятно. Раньше он его не заметил потому, что оно терялось на фоне разноцветных пальм и таких же ярких попугаев.

– Подумать только, – сказал Витек. – Я и не предполагал, что гавайские рубашки еще кто-то носит. Тем более в Москве. Ладно бы на югах...

– Не отвлекайся, – строго проговорил Леша. Затем обеспокоенно спросил у Семеныча: – Надеюсь, нам не стоит СИЛЬНО волноваться?

Он не случайно сделал ударение на слове «сильно». Именно так они волновались четыре года назад, когда в их округе чуть ли не каждый день обнаруживали трупы молодых мужчин и женщин. Все они были убиты одним и тем же образом. Многие изнасилованы (и не только девушки). Но никто не ограблен. Преступника они тогда не нашли. Но убийства прекратились сами собой.

– Так что скажешь, Семеныч? – не отставал от эксперта Назаров. Тот молчал, и это заставило Алексея волноваться. Пока не сильно, но ощутимо.

– Плохо дело, Леша, – ответил эксперт. Он как раз приподнимал тело покойного и заглядывал ему за спину.

– Это как же понимать? – всполошился Сказка.

– А так и понимайте, ребята. – И после недолгой, но гнетущей паузы молвил: – Кошмар продолжается!

– То есть это опять ОН?

– Похоже на то, – кивнул Семеныч, затем резко дернул рукой и вытащил из спины покойного длинную, остро заточенную на конце вязальную спицу. – Узнаете?

Виктор с Назаровым понуро кивнули. Именно таким орудием убивал своих жертв четыре года назад маньяк, прозванный ими же Спицей.

– Так что, мальчики, готовьтесь! Похоже, кошмар начинается вновь!

Глава 2

Валерий Иванов очень хорошо помнил, когда закончился его кошмар. Это случилось четыре года назад. Седьмого июля. Тогда он, грязный, с кровоподтеком под глазом и исцарапанными руками, валялся под деревом. Валерий был не пьян, но в голове шумело, а ноги не слушались. Он совершенно не помнил, что с ним происходило накануне. Его часы с треснутым стеклом показывали одиннадцать. А так как на улице было темно, то Валера понимал, что сейчас вечер. Ушел же он из дома утром в десять. Направился в магазин за кефиром. Кажется, даже его купил. Но точно Валера не мог сказать: не помнил. А вот головную боль, вспыхнувшую неожиданно, помнил. Она раздирала его черепную коробку по пути к магазину. Иванов терпел. Знал, что скоро она пройдет. Боль появлялась и исчезала неожиданно. И вот когда исчезала, он становился словно пьяный. А потом полный провал в памяти...

Такое с Валерой случалось редко. Где-то раз в месяц. Но в последнее время приступы участились. И забытие стало длиться не час-полтора, а часа три-четыре. Валера просто выпадал из реальности. Но куда погружался, мог только предположить. Засыпал, наверное. Садился на лавку или просто на траву и отключался. Это, бесспорно, было очень странно и неприятно, но Иванов не считал нужным делиться с кем-либо своей проблемой. Переживал все в одиночку. К врачам не обращался. Он смертельно их боялся. И скорее предпочел бы умереть, чем лечь, к примеру, под нож хирурга.

В тот июльский вечер Валера впервые подумал о походе к врачу. Особенно когда осмотрел свои руки.

«Неужели я с кем-то подрался? – размышлял он, трогая ранки. – Но тогда кожа была бы ободрана на костяшках, а у меня ближе к запястью... И это явные царапины!»

Валера попытался встать, но у него ничего не вышло. Силы покинули его вместе с памятью о событиях минувшего дня.

– Вам помочь? – услышал он участливый женский голос. И, подняв глаза, увидел молодую барышню, склонившуюся над ним.

Привычка решать проблемы в одиночку не позволила Иванову принять ее помощь. Его с детства учили справляться с ними самому. А если не выходит, значит, ты слабак.

– Спасибо, не стоит... Я сам.

И рывком поднялся на ноги. На это простейшее движение у него ушел весь запас энергии, и в следующий миг Валера снова упал на траву.

– Может, «Скорую»? – спросила девушка. – Вас, похоже, избили...

Валера замотал головой.

– А попить не желаете? – Она протянула ему бутылочку минералки.

Воду Иванов принял с благодарностью. Пить ему хотелось нестерпимо.

Вылакав все пол-литра, Валера почувствовал облегчение. Его не только перестала мучить жажда, но и тело как будто налилось силой. Он быстро поднялся, отряхнулся и поблагодарил спасительницу:

– Огромное вам спасибо, девушка.

– Не за что.

– Да как сказать... – Он приложил холодную руку к пульсирующей опухоли под глазом. – Любой другой на вашем месте прошел бы мимо, посчитав меня пьяным.

– Я вас пьяным и посчитала. Но это ничего не меняет. Все люди нуждаются в помощи.

Валера с интересом посмотрел на нее. Он знал многих, кто любил строить из себя доброго самаритянина, особенно на словах, но их всегда выдавал взгляд. В нем читалась фальшь. Хорошо замаскированная, но все же заметная. Но в глазах «спасительницы» он ее не увидел. Что удивило!

– Вы серьезно? – на всякий случай уточнил он.

– Конечно.

– То есть вы даже к алкашам подходите? Таким, у которых по венам вместо крови течет технический спирт?

– Почти у каждого пьяницы есть дети, родители, братья, сестры, наконец. И для них большое горе потерять своего близкого.

– Для многих – это счастье.

– Перестаньте...

– Да я вам точно говорю. У меня мать пила. По-черному. А отец не принимал совсем. Так он мечтал о том, чтоб она поскорее допилась. К слову, ее мать и моя бабушка тоже посылали на голову дочери проклятия. Самым мягким было: «Чтоб ты сдохла, курва!» Дело в том, что отец мать из квартиры выгнал после того, как она привела туда кодлу алкашей. И с одним из них занималась сексом на супружеском ложе. Отец застукал прелюбодеев и выставил мать за дверь. Вместе с любовником и друзьями.

– И они так просто ушли?

– Не просто. Пришлось их припугнуть оружием. Отец был охотник, имел двустволку. Мать, зная крутой нрав мужа, увела компашку за собой. После этого она стала жить у бабушки. Мать была там прописана, и если ее не пускали на порог, орала так, что сбегался весь подъезд. Могла пытаться дверь выламывать. Или под ней нагадить. Поэтому ничего странного, что бабушка проклинала свою дочь.

– А вы? Вы мечтали о том же, что и отец с бабушкой?

– Я был еще слишком мал, чтобы желать кому-то смерти... Мне исполнилось всего шесть, когда мать умерла. Вот только ушла она не одна. С собой забрала мою бабушку и удивительного пса по кличке Витязь. Он был поводырем моего ослепшего деда. Пережил его на полтора года. И умер по вине моей матери!

– Как это?

– Да очень просто. Она уснула с сигаретой. Естественно, пьяная. Начался пожар. Спасись не удалось никому. Даже Витязю...

Валера впервые рассказывал эту историю постороннему. Он излагал ее и сам себе удивлялся. Лишь однажды он делился ею с женщиной (и еще один раз с мужчиной – лучшим другом), с той, на которой собирался жениться. Невеста, увы, так и не ставшая его женой, имела право знать, при каких обстоятельствах умерла ее потенциальная свекровь, ведь так? Потому он и рассказал. Хотя было больно и... Стыдно, что ли?

И вот теперь он вываливает постыдные подробности семейной биографии чужому человеку! Что с ним происходит? Всему виной последний приступ? Вряд ли. Даже после них он не замечал за собой желания откровенничать с кем-то. Неужели в этой девушке он увидел родственную душу? Или?..

Будущую жену?

– Вас как зовут? – спросил он.

– Милана. Можно просто Лана.

– Очень приятно. Меня Валера.

– Что с вами приключилось, Валера?

– Не знаю. Я не помню, как оказался под кустом... – и, продемонстрировав исцарапанные руки и вспухший фингал под глазом, с тяжелым вздохом добавил: – И откуда взялось это.

– И часто такое с вами бывает?

– Нет, но уже бывало.

– А к врачу не ходили?

Валера лишь отрицательно покачал головой. Разве мог он признаться в своем паническом страхе перед врачами. Хватит уже того, что про мать рассказал! Остальные откровения ему не

дадутся. Ведь они касаются только его. О том, что ему пришлось пережить за свою не такую уж долгую и на первый взгляд вполне благополучную жизнь, Валера не рассказал бы даже под пыткой.

– У меня есть знакомый невропатолог. Хотите, сходим к нему вместе? – предложила Лана.

– Вы знаете, мне почему-то кажется, что приступы больше не повторятся, – с непоколебимой уверенностью сказал Валера. – Но если вдруг это произойдет со мной вновь, я воспользуюсь вашим предложением. Оставьте мне свой номер?

Милана кивнула. Затем достала из сумочки записную книжку и ручку. Написав номер, она с улыбкой подала листок Иванову.

– А можно я вам позвоню просто так? Без повода? – спросил он.

– Конечно. Звоните. Буду рада. А сейчас извините, мне надо бежать...

И она, помахав ему ручкой, унеслась. Изящная, высокая, с развевающимися на легком ветру темными волосами. В струящемся платье в крупных ромашках. Когда ее силуэт растворился во мраке, белые лепестки еще светились в темноте. Если, конечно, это были они, а не какие-нибудь светлячки...

Или крылья вспорхнувших с нее эльфов!

– Как в песне, – прошептал Валера. – То ли девушка, то ли виденье.

Постояв пару минут без движения, он достал телефон (к его огромному удивлению, тот оказался при нем – не украли) и набрал номер Ланы.

– Алло! – прозвучало мелодично.

– Привет. Это Валера. Вы разрешили мне позвонить просто так...

Они болтали минут сорок. Ровно столько Иванов добирался до дома. Каким-то невероятным образом он оказался в другом районе. Пришлось возвращаться сначала на метро, потом на троллейбусе. Когда Валера вошел в свою квартиру и сообщил об этом Лане, она сказала:

– Раз ты дома, я спокойна. – В процессе беседы они перешли на «ты». – И могу с тобой попрощаться. Я тоже добралась до дома, и мне срочно нужно детей проверить.

– А у тебя их много?

– Трое.

Валера едва сдержал стон разочарования. Если у нее трое детей, наверняка и муж имеется. Интересно, когда она успела столько нарожать? Ведь Лане на вид нет и тридцати.

– И все твои? – спросил он.

– Нет, – рассмеялась она. – Все не мои. Я их из детдома беру на выходные. Дело в том, что я сама детдомовская. Знаю, как несладко находиться там безвылазно. Вот и взяла шефство над некоторыми ребятами. Двум мальчикам по шесть, а сестре одного из них одиннадцать. Она присматривает за малышами, когда я отлучаюсь. Но я все равно немного волнуюсь, оставляя их одних.

Валера услышал хлопок двери. Видимо, Лана вошла в квартиру.

– Ну как ребята? – спросил он.

– Спят, – шепотом ответила Милана. – Теперь бы не разбудить их.

Она торопливо распрощалась с Валерой и отсоединилась. А он направился в ванную – отмыться. Пока лежал в теплой воде, думал о Лане и улыбался. Его приступы отошли куда-то на второй план. А царапины и синяк будто не беспокоили. Валере было спокойно и радостно. Впервые за много-много лет...

Или просто... Впервые за всю жизнь?..

Валера прислушался к себе и согласился с последним предположением. Да, впервые за всю его жизнь. Хотя радостных моментов в ней было немало (но и не много, что характерно!), но ни разу... ни разу... он не ощущал себя по-настоящему счастливым.

А тут вдруг... На двадцать девятом году жизни... Да еще после кошмарного приступа. Уставший, опустошенный, больной. С фингалом под глазом и невесть откуда взявшимися царапинами на руке, Валера готов был петь в унисон со своей душой. И запел!

Слуха у него не было, голоса тоже, поэтому песня получилась мерзкой, и Валера посчитал нужным заткнуться. Но чувства все равно рвались наружу, поэтому из его уст нет-нет да слетала бравурная нотка. Валера полежал еще некоторое время в ванне, фальшиво мурлыча под нос что-то невнятное, а когда вода остыла, вылез.

Голый, подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение.

Очень худ! Ребра торчат, колени тоже. Не мужчина – цыпленок. Но с красивым лицом. В детстве он был любимчиком девочек. Его огромные зеленые глаза и пепельные кудри сводили их с ума. Валеру даже называли Ангелочком. Но в старших классах девушки перестали его замечать. Они обращали внимание на сильных, мужественных, напористых. Валера же в свои шестнадцать остался нежным ангелочком. По крайней мере внешне.

Став взрослым мужчиной, Иванов не сильно изменился. Издали его можно было принять за подростка. Но вблизи Валера уже не казался молодым. У его глаз лет в двадцать появились морщинки. Тогда же в волосах стала пробиваться седина. Он рано начал стареть, хорошо хоть нестремительно. Иначе сейчас бы уже выглядел лет на пятьдесят. И не мог бы рассчитывать на то, что такая прекрасная во всех отношениях девушка, как Лана, ответит ему взаимностью.

«Или я тешу себя иллюзиями? – испугался вдруг Валера. – Что, если я не представляю для нее интереса как мужчина? Лана красивая, добрая, умная. Исключительная! А я... Я обычный. Худой, невзрачный, небогатый... Припадочный к тому же! – Но тут он сам себя порадовал: – Хотя я совершенно точно уверен, что приступы прекратятся. Мой кошмар закончился сегодня... Вернее, уже вчера. Седьмого июля...»

Предчувствие его не обмануло. Приступы на самом деле прекратились. Как и головные боли. Он стал прекрасно себя чувствовать и выглядеть лучше (даже немного поправился). А все благодаря Милане!

Эта женщина наполнила его жизнь счастьем и покоем. Для Валеры эти слова были синонимами. О душевном покое он мечтал всю жизнь, но не достигал его, отчего ощущал себя несчастным. Или наоборот. Он чувствовал себя несчастным, и из-за этого не было ему покоя. Наверное, именно поэтому Валера часто болел, плохо ел, был нервным, уставшим, потухшим. Никаким...

Милана сделал его другим человеком.

Год они просто дружили. Валера боялся форсировать события, потому что знал о драме Ланы. Дело в том, что незадолго до их знакомства, она рассталась с женихом. Причем он ее бросил. Сначала долго пудрил мозги, обещал жениться. Даже кольцо подарил. А потом оказалось, что он уже подал заявление в загс и женится на другой. Лане он об этом не сообщил. Просто перестал ей звонить и сменил номер. А с квартиры, которую снимал, съехал. О том, что у любимого скоро свадьба, Лана узнала от его приятеля. И это было самое обидное...

Свою историю Лана рассказала Валере в самом начале их дружбы. Когда поняла, что нравится ему не только как человек. «Пока раны еще свежи и иногда кровоточат, я не могу вступать в новые отношения! – подытожила она свой рассказ. – Да и не хочу, если честно. А когда захочу – не знаю. Возможно, никогда...»

Валера прекрасно ее понимал. Но надеялся на то, что она все же захочет новых отношений. И не с кем-нибудь, а с ним. И чтобы, когда раны затянутся, она выбрала именно его, он стал лучшим ее другом, верным помощником, палочкой-выручалочкой. Ее ангелом-хранителем.

Но при этом Иванов не забывал напоминать Лане о том, что он еще и мужчина, а не какое-то бесполое существо. И ухаживал за ней. Дарил ей цветы по поводу и без оногo. Посвящал ей стихи. Устраивал романтические сюрпризы. Например, на годовщину их знакомства (Лана не помнила точной даты, но Валера-то не забывал про седьмое июля, день, когда закончился его

кошмар) он подкатил к дому любимой в карете. Она была запряжена тройкой белоснежных красавцев лошадей. Правил ими кучер в старинном камзоле. В такой же был наряжен и сам Валера. А для Ланы он приготовил королевскую мантию. Ее он накинул любимой на плечи сразу после того, как помог ей забраться в карету. Час они катались по городу. Потом ужинали на свежем воздухе. Валера очень хотел снять столик в ресторане, но все деньги ушли на аренду кареты, поэтому он устроил пикник в парке. И признался Милане в любви. «Я ничего от тебя не требую, – добавил он. – Я просто хочу, чтоб ты знала о моих чувствах. А еще о том, что я готов ждать тебя сколько угодно!»

Но ждать не пришлось. Милана в тот же вечер отдалась ему. Они занимались любовью под липами, и Валера был сам не свой от счастья. Его радость не омрачило даже то, что потом они разъехались по домам, а не провели ночь в одной постели. Он страстно мечтал об этом, но понимал: не стоит торопить события!

Год они были скорее друзьями, нежели любовниками. Да, их отношения стали теплее, и в них появился секс, но все же Милана держала Валеру на расстоянии. И никогда не оставляла у себя на ночь. Не говоря уже о том, чтобы представлять его как своего бойфренда. Она все еще не доверяла ему.

Но Валера не сдавался. Он продолжал оставаться преданным, чутким, внимательным, а что самое главное – влюбленным. И Милана впустила его в свою жизнь, тогда как ранее лишь приоткрывала перед ним дверь в нее...

Он вернул ей веру в мужчин.

Лана была безгранично Валере за это благодарна. Но и только, как казалось ему. Да, бесспорно, он нравился Лане. Но она не любила его. Иначе почему отказывалась выходить за него замуж? И ладно в первый год их отношений, скорее дружеских, нежели любовных, но почему теперь, когда они столько лет вместе, она упорно продолжает говорить ему «нет»?

Последнее предложение Валера сделал Лане неделю назад. Он привез ее на дачу, которую только что купил. Он показывал ей дом, сад, баню. Рассказывал о своих планах (надстроить второй этаж, старые яблони выкорчевать, пристроить к бане просторную раздевалку). Вслух мечтал о бассейне. Потом они сидели в беседке, где Валера наметил поставить мангал, пили шампанское и наслаждались покоем и чистым воздухом.

– Хорошо тут, – со счастливым вздохом сказала Лана. – В старости обязательно перееду жить в деревню.

– Зачем так долго ждать? Давай сделаем это прямо сейчас.

– Что ты, Валера! Сейчас никак нельзя. Я даже по выходным сюда не смогу выбираться. Очень много дел.

– Но я купил этот дом для нас.

– Знаю. И обещаю, я буду стараться сюда навещать, но... Не обижайся, если у меня не получится.

– Конечно, я не обижусь. Как всегда.

– За это я тебя и ценю, – улыбнулась она и чмокнула Валеру в щеку.

«Ценю, но не люблю!» – с горечью подумал он. И ляпнул, как всегда, невпопад:

– Выходи за меня замуж!

– Ты опять? – с досадой воскликнула Лана. – Да что ж тебе просто не живется? Мы же как муж и жена, только без штампа.

– И без детей.

– Да у нас их с тобой десятки! – возмутилась Лана, имея в виду ребят из детдома, над которыми они шефствовали.

– Но ни одного своего.

– Да какая разница?

– Огромная, Лана! Я хочу иметь своих детей. И мечтаю, чтоб их мне родила именно ты. – Валера придвинулся к ней и горячо зашептал: – Когда я покупал этот дом, представлял, как по саду будут бегать наши карапузы. И я не против, если ты захочешь привозить сюда ребят из детдома. Да хоть посели их тут... – Он схватил ее руку и стал жарко целовать. – Я на все готов ради тебя, только перестань говорить мне «нет».

– Валера, я не говорю тебе «нет». – Лана выдернула кисть из его горячих пальцев. – Возможно, когда-нибудь мы с тобой поженимся. И я рожу детей. Но не сейчас.

– Ты повторяешь это уже три года.

Но Лана его не слушала. Позвонил кто-то из партнеров, и она завела деловой разговор. Закончив его, сказала, что ей нужно спешно возвращаться в Москву. Валера сделал вид, будто не обиделся. Хотя у него внутри все klokотало. Милана опять ушла от разговора. Прикрылась своей занятостью!

В ту ночь он плохо спал. А утром мучился недомоганием. Лане было не до него. И от этого здоровье только ухудшалось.

Всю последующую неделю он чувствовал себя отвратительно. Но особенно погано сегодня. Когда Милана сказала, что вечером нужно ехать на стройку, чтобы посмотреть, как продвигаются работы, он хотел отказаться. Ему было плохо. Тело ломало, точно у него температура (но ее не было, он мерил), голова кружилась, а на сердце будто камень лежал. Ни вдохнуть полной грудью, ни выдохнуть. Но Валера все же превозмог себя и поехал. Вдруг Лане понадобится его совет? В строительстве он все же гораздо лучше разбирается. Мужчина, как-никак. К тому же дипломированный инженер, специалист по коммуникациям.

Все время, пока они ходили по стройплощадке, Валерий боролся с недомоганием. Его стало подташнивать. А потом вдруг закружилась голова. Извинившись перед всеми, он присел на валяющуюся рядом с горой керамзита бочку и закрыл глаза. Он не верил своим ощущениям. Долго не верил, но... Кажется, в виске начало пульсировать. Именно так, как когда-то...

Валера тряхнул головой. Потер виски. Попил воды, которую носил с собой (весь день его мучила жажда), и даже вылил себе немного на лоб. Ничего не помогало. Боль крепла. Причем так стремительно, что не прошло и минуты, как Валере стало казаться, что его черепная коробка вот-вот лопнет. Перед глазами потемнело. А потом...

И вот что было потом, он вспомнить не мог!

Туман, туман, туман...

И снова боль, от которой он и очнулся.

Оказалось, что Валера находится в квартире. Как в нее попал, он не знал!

Причем квартира не Ланы – его. Хотя обычно он оставался у нее. Он давно бы продал свою двушку или сдал, но Милана была против этого. Она настаивала на сохранении личного пространства. И часто просила Валеру оставить ее одну. «Я нуждаюсь в уединении, как всякий детдомовец, – комментировала она свое решение. – Мы же выросли в общежитии. И теперь, когда есть возможность, я наслаждаюсь одиночеством...»

Валера понимал ее, поэтому не роптал. Но когда Лана оставляла его у себя на недельку-другую, был счастлив. Последние дни он жил у нее. Лана испытывала легкое чувство вины за то, что в очередной раз отказала Валере, вот и не гнала его. Хотя чуралась его общества. Приходила поздно, съедала ужин (а чаще просто выпивала чай), чмокала в щеку и уходила в свой кабинет. И ладно бы Валера ее не беспокоил. Но ведь он так не мог! Заходил то и дело, интересовался, не хочет ли она чая или молока. Приносил плед или носки. Рассказывал об интересной передаче, которую показывали по телевизору, и предлагал ее посмотреть. Лана вежливо от всего отказывалась. Но в глазах ее читалось раздражение. Ей хотелось, чтобы ее оставили в покое.

И Валера оставлял. Рано или поздно. Чаще поздно, чем рано. Но из квартиры не уходил, пока его не просили...

Так почему сейчас он находится в своем доме?

Его попросили?

Или он сам решил дать Лане отдых?

Валера посмотрел на часы. Двадцать три двадцать. Что ж, не очень много времени прошло...

Он снял с себя пиджак, галстук и прошествовал в ванную. Он вспотел, и ему ужасно хотелось в душ.

Горячей воды не было. Отключили. А нагреватель он не поставил: редко бывал дома.

– Что ж, буду мыться холодной, – сказал себе Валера. И стянул остатки одежды.

Перед тем как залезть под душ, он глянул на себя в зеркало. Надо было решить, когда бриться, сейчас или завтра вечером (по утрам он этого никогда не делал, так как с огромным трудом просыпался). Едва увидев свое отражение, Валера вздрогнул и отшатнулся. Щека была ободрана! И что на шее? Синяк!

Валера прикоснулся к нему. Не больно. А вот палец покалывает. Иванов взглянул на подушечку указательного и нахмурился. На ней была кровавая точка. Будто он укололся толстой иглой.

«Что ж такое я забыл? – ужаснулся Валера. – Откуда на моем теле эти следы? И почему я в своей квартире? Не дай бог, я причинил боль Милане... Не физическую, понятно, я и пальцем бы ее не тронул, а душевную...»

Он сразу передумал бриться и мыться. Накинув халат, выскочил из ванной и бросился к телефону. Не добежав до аппарата каких-то пару метров, он услышал треньканье. Звонил его сотовый.

Взяв его в руки, Валера сразу же позабыл о своих горестях. Это Милана! Выходит, ей не все равно, что с ним, куда он делся. Беспокоится...

Или?

Валера похолодел. Вдруг Милана звонит не поэтому? Что, если он обидел ее, и она теперь хочет порвать с ним навсегда?

«Нет, она не стала бы это делать по телефону!» – успокоил себя Иванов и нажал на клавишу приема.

– Алло, – робко проговорил он.

– Валера, у нас несчастье.

– У нас? – переспросил он упавшим голосом. Его ноги дрожали так, что он вынужден был сесть.

– Да. У нас.

– Что случилось?

– Пропал Рамиль Файзаров. Его жена забила тревогу несколько часов назад. Рамиль должен был явиться домой в восемь. С дочкой, которую ему надлежало забрать с танцев. Но девочку никто не забрал. И Рамиль домой не явился. Его телефон не отвечает.

– Я бы на месте супруги Файзарова не сильно переживал. Все мы знаем, каков этот гусь. Наверняка завис у какой-нибудь барышни, позабыв обо всем.

– Это еще не все, Валера. Мне только что позвонил Солдатов...

– Кто это?

– Замдиректора фирмы-застройщика. Он сегодня показывал нам стройку...

– Ах да, вспомнил. Толстый такой...

– Так вот, он позвонил мне и сообщил, что на стройке обнаружен труп. Об этом Солдатову сообщил сторож. По описанию убитый – Рамиль Файзаров. Солдатов поехал туда, там милиция.

– Какой ужас... Нас же тоже теперь затаскают.

– Нас будут допрашивать. И не раз.

– Какой ужас! – словно испорченная пластинка повторял Валера. – А у меня нет алиби... – И со страхом посмотрел в зеркало на стене. Ссадина на щеке воспалилась, стала ярче, и, казалось, это не ссадина, а клеймо.

– Давай об этом потом, – оборвала его Милана. – Я хочу поехать сейчас на стройку... – И после паузы спросила: – Ты со мной?

В любой другой день Валера, не раздумывая, сказал бы: «Конечно». Да что там! Он не дождался бы вопроса «Ты со мной?», сам бы предложил свою компанию. Он привык предугадывать желания Ланы. А еще больше помогать ей в любых обстоятельствах. Даже если она в его помощи не нуждалась...

Валера мечтал стать для нее незаменимым во всем.

– Так ты со мной? – переспросила Милана, не дождавшись ответа.

– Прости, – выдавил он. – Но я не могу. Ужасно себя чувствую. Температура.

– Ты сегодня неважно выглядел, я заметила.

– Да. Простыл, видимо... – Он еще раз бросил взгляд на свое отражение. – И слабость такая, что в ванной сознание потерял. Ударился лицом.

– Сильно?

– Да нет, не очень.

Он ждал, что она скажет: «Хочешь, я приеду?» Но услышал другое:

– Ладно, побежала я. Утром позвоню, пока.

И отсоединилась.

А Валера долго сидел на кровати голый, глядя на свое отражение. И все пытался вспомнить события сегодняшнего вечера...

Глава 3

Назаров отхлебнул из стакана чай и поморщился. Напиток оказался ужаснейшим.

– Не сладко? – поинтересовался сторож, попросивший величать себя дядей Васей, его-де все так называют. – Тогда вот сахарок. – Он подвинул к Леше коробку с рафинадом.

Назаров отрицательно качнул головой. Дядя Вася и так бухнул в его стакан не меньше трех кусков, а Леша любил несладкий.

– Так во сколько, говорите, рабочие покидают стройплощадку? – повторно задал волнующий его вопрос Назаров.

– Когда как. Иной раз дотемна работают, а смеркается нынче поздно. Но сегодня рано ушли.

– Почему?

– Так комиссия приезжала. Осматривали объект. Вот рабочих и отпустили, чтобы не мешались.

– А что за комиссия?

– Это вы не у меня, а у шефа спрашивайте. Я тут человек маленький.

– Вы видели членов комиссии?

– Видел, но мельком. Я на смену заступал, а они стройку покидали. Я за ними ворота запирал.

– Сколько человек было?

– Четыре. Две женщины. Двое мужчин. Все важные... Особенно баба одна. Вернее, дама. Или даже девушка. Молодая. Но такая вся из себя, что наш босс перед ней чуть ли не стеллся...

Тут дядя Вася замолк и ткнул в стекло большим пальцем. Леша проследил за его жестом и увидел, как к вагончику приближается высокий полноватый мужчина с редкими волнистыми волосами.

– Это босс? – спросил Леша у дяди Васи. Тот утвердительно кивнул:

– Да, он. Я ему позвонил сразу после вашего приезда.

Босс тем временем поднялся на крылечко, толкнул дверь и вошел. На дядю Васю он даже не взглянул, сразу же впериw свои цепкие темно-карие глаза в Назарова.

– Здравствуйте, – приветствовал он Лешу и представился: – Солдатов Константин Петрович. Заместитель директора фирмы-застройщика.

– Капитан Назаров. Уголовный розыск, – отрекомендовался Алексей. – Могу я задать вам несколько вопросов?

– Конечно. Ради этого я и приехал. – Солдатов зыркнул на сторожа. – Дядя Вася, иди погуляй.

Старик тут же засобирався, но Назаров задержал его:

– Оставайтесь здесь. А мы с Константином Петровичем пройдемся.

Солдатов обреченно кивнул, как видно, гулять у него желания не было, но разве он мог спорить с представителем власти?

Они вышли.

– Кого убили? – спросил Солдатов, закуривая.

– Файзарова Рамиля Гумаровича.

– Он рабочий?

– Судя по всему, нет. У вас ведь трудятся в основном приезжие. С временной регистрацией?

Заместитель директора фирмы энергично кивнул. Леша про себя усмехнулся. Как будто он не знает, что на стройках обычно работают нелегалы.

– А покойный имел московскую прописку. Кроме того, при нем были обнаружены документы по строительству. Мы с коллегами решили, что он представитель вашей фирмы или архитектор.

– Нет, он не наш. И архитектор, работающий над проектом, носит иную фамилию.

– Тогда он может быть членом комиссии. Сегодня ведь... – Леша посмотрел на часы, показывающие одиннадцать тридцать: – Да, пока еще сегодня сюда наведывалась комиссия. Так?

– Не совсем комиссия. Скорее делегация инвесторов. В половину дома средства вложили частные лица. То есть человек хочет иметь квартиру, отдает нам большую часть ее стоимости, и на эти деньги мы строим. Когда дом сдан, мы получаем остальные деньги, а жилец – ключи. Но вторую половину дома у нас выкупила организация. Она носит название «Семь Я». Не «Семья», а «Семь Я». Ее директор, Милана Робертовна Черемушкина, сегодня приезжала с инспекцией.

– Сколько людей с ней было?

– Трое. Хотя нет, постойте... Четверо! Один мужик чуть позже подъехал. Примчался весь в мыле. В пробке, наверное, долго простоял...

Леша хотел попросить Солдатова описать внешность опоздавшего, а уж потом вести его к покойнику, но тут увидел, что того несут к «труповозке», и поманил местного босса к носилкам.

– Не этот? – спросил он, откинув клеенку, которой накрыли тело.

Солдатов, увидев мертвое лицо, вздрогнул так, что едва не упал. И подался назад... Нет, шарахнулся!

– Боитесь мертвецов? – поинтересовался Леша.

– Не то чтобы... – Солдатов судорожно вздохнул. – Просто... Тут такой свет.

– Обычный.

– Нет, голубоватый. И лицо умершего кажется таким... – Он долго подбирал слово: – Как у зомби в фильмах ужасов. Потусторонним... И зловещим.

Леша по-новому посмотрел на лицо убитого, но ничего зловещего в нем не увидел. Наверное, он слишком часто сталкивался с мертвецами, и из-за этого они все ему казались одинаково потусторонними. Но совсем не страшными.

– Так вы узнаете этого человека?

– Да. Это он. Тот самый, взмыленный... – Губы Солдатова нервно дернулись. – Можно прикрыть его, а? Я не могу смотреть на труп...

Назаров накинул клеенку на лицо покойника. Его понесли дальше. А Леша вернулся к разговору со свидетелем.

– Скажите, Константин Петрович, этот мужчина... господин Файзаров то есть, долго пробыл на стройплощадке?

– Как и все, полчаса. За минусом пяти минут, на которые он опоздал.

– И покинул территорию он тоже вместе со всеми?

– Наверное.

– То есть вы не знаете?

– Нет. Я разговаривал с Миланой Робертовной. Мы шли впереди. На остальных я не оглядывался. Проводив ее до машины, я направился к своей.

– Дядя Вася уверяет, что площадку покинули только четыре человека.

– Дяде Васе можно верить. Этот старикан все подмечает. Сколько раз благодаря ему мы избегали краж.

– Значит, Файзаров задержался на стройке. Как вы думаете, зачем?

– Не имею понятия. Вам об этом лучше у Черемушкиной спросить. Покойный был ее «шестеркой».

– То есть?

– Я не знаю, в какой он должности был. Но лебезил перед ней так, будто он писарь, а она – императрица какая-нибудь.

– По уверению дяди Васи, перед Черемушкиной лебезили все... – Он хотел добавить: «В первую очередь вы», но решил не подставлять сторожа. Тому еще с Солдатовым работать, а замдиректора производил впечатление человека самолюбивого и злопамятного.

– Да нет, я бы не сказал. К ней все с уважением относятся. И только Файзаров с заискиванием. И, кроме нее, будто никого не видел. При мне он помощнице Миланы на ногу наступил и даже не извинился. Когда же из-под его ступни камешек вылетел и ударился в голень Черемушкиной, он чуть ли не на колени бухнулся.

– А кто кроме Черемушкиной и ее ассистентки входил в так называемую комиссию?

– Двое мужчин, имен не знаю. Один солидный, но сразу видно, из бывших братков. Второй интеллигент. Худющий, странный. По-моему, с Миланой он не только работает, но и живет. По крайней мере я слышал, когда провожал ее до машины, как Черемушкина сказала ему, чтоб сегодня ночевал у себя.

– А вообще комиссия ходила толпой?

– Большую часть времени – да. Но под конец все разбрелись. Как видите, территория стройки большая. Здесь возводится не одно здание, а два. Еще столько же в проекте, фундамент уже заложен. Милана со товарищи разбрелись по стройке, чтобы все осмотреть.

– А вы остались с Черемушкиной?

– Нет, я ушел в вагончик сторожа. Увидел дядю Васю, явившегося на работу, и пошел с ним побеседовать.

– Сколько времени продлилась ваша беседа?

– Минут семь. Потом смотрю, Милана Черемушкина идет. Я сразу и вышел к ней.

Леша кивнул. Все вроде бы ясно. Можно господина Солдатова отпускать на все четыре стороны. Но тот вдруг воскликнул:

– Постойте, я кое-что вспомнил!

Назаров вопросительно посмотрел на свидетеля.

– Ассистентка Черемушкиной, Светлана, кажется, незадолго до того, как делегация покинула стройплощадку, имела короткую беседу с покойным. Я видел, как она отвела его в сторону и начала ему что-то говорить.

– Что именно, не слышали?

– Всех слов нет. Только фразу: «Чтоб ты сдох!»

– Вы уверены?

– Стопроцентно. Я еще подумал, что он ей только на ногу наступил, а девица так раздухарилась!

– И что было после? Как Файзаров отреагировал на эту фразу?

– Не могу сказать. Меня позвала Милана Робертовна, и я потерял ассистентку и Файзарова из виду...

– Что ж, спасибо вам за информацию, – поблагодарил Леша. Затем отпустил его, а у себя в блокноте сделал запись: «Ассистентка?!» Вопросительным и восклицательным знаком Назаров обычно отмечал подозреваемых.

Глава 4

Света Зарубина ненавидела ночи.

Для нее это было самое отвратительное время суток. И не столько из-за темноты, которой она боялась, сколько из-за того, что окружающий мир в это время будто вымирал. Гасли окна домов, с улиц исчезали прохожие, автобусы и трамваи переставали ходить. Даже собаки затихали. И птицы. И голоса соседей – они хорошо слышались через тонкие стены панельного дома. А то, что не засыпало, было неживым: огни реклам и светофоры.

Света спала мало. Часов пять. Поэтому ночь ей казалась бесконечной. Укладываясь в десять и просыпаясь в три, Света вынуждена была много часов лежать в кровати или слоняться по дому в ожидании утра. И желательно не смотреть в окна. Иначе тоска при взгляде на пустую улицу, залитую мертвым светом фонарей, накатит такая, что хоть плачь.

Сейчас на часах было чуть за полночь. Света за день сильно устала, поэтому легла в десять. То есть проспала она всего пару часов и теперь сидела на кровати, щелкая пультом телевизора. Каналов было штук пятьдесят, но Света так и не нашла программы или фильма, который хотела бы посмотреть. Остановилась на музыке. Пусть играет для фона.

Зарубина вылезла из постели, прошла в кухню, чтобы попить чаю. Она передвигалась очень тихо, боясь разбудить соседей. Несколько последних лет Света жила с ними. И не сказать, что не ладила. Очень даже хорошо уживались. Но все же Зарубина мечтала об отдельном проживании.

Света поднесла к лицу зеркало и с интересом взглянула на свое отражение. В последнее время она часто слышала от людей комплименты. Многие говорили, что она удивительно похорошела и стала немножко другой. Света этого не замечала. Она видела себя прежней. Те же глаза, губы, скулы. Самые обычные. И стиль свой она не меняла. Ни прическу, ни макияж. Так почему окружающие находят ее особенной?

«Неужели все дело в том, что я выбралась наконец из депрессии? – спрашивала у себя она. – Два года в ней пребывала. И все привыкли к моему потухшему взгляду, хмурому лицу...»

Света ненавидела себя все то время. Жизнь ее была вполне сносной, и повода для депрессии не имелось. Радоваться бы тому, что молода, здорова, не бедствует. Так нет же! Страдала, изводила себя, много плакала и даже иногда хотела умереть...

И все из-за чего?

Из-за дурацкого развода!

И ладно бы с мужем жили душа в душу. Но они ругались постоянно. Света чуть ли не сразу после свадьбы поняла, что совершила ошибку. Но на развод не подавала. Надеялась, что, когда притрутся характерами, семейная жизнь наладится. И она действительно наладилась. В том смысле, что Света со временем научилась сглаживать конфликты. Не пыталась доказывать мужу свою правоту, просто не спорила. Но делала по-своему. Супруг так же поступать не хотел. Поэтому ссоры хоть и стали вспыхивать реже, но не прекращались.

Когда Света узнала, что ей изменяют, не очень удивилась. Супруг был мужчиной очень темпераментным, а она сильно уставала на работе, и частенько ей было не до секса. До кровати бы добраться и упасть! Так что Света с изменами готова была мириться. Но муж закрутил на стороне бурный роман и очень скоро ушел от нее.

Света сначала не очень расстроилась. Попереживала, конечно, немного, но не до такой степени, чтобы впасть в депрессию. Но когда узнала, что ее променяли на женщину бальзаковского возраста весьма посредственной внешности, не способную к деторождению по медицинским причинам, испытала шок. То, что избранница ее бывшего немолода и не красива, ладно! А вот что она детей родить ее экс-супругу не сможет, дело другое! Он мечтал иметь наследни-

ков. Он этим бредил. И, наверное, треть скандалов он устраивал из-за того, что Света никак не могла забеременеть. Муж не верил, что жена здорова. Считал, что она его обманывает, и отправлял ее на лечение. Она говорила: «Пошли вместе к доктору, проверимся». Но муж орал: «Я точно здоров, а вот ты...»

Всякий раз, когда у Светы начинались месячные, она испытывала не только разочарование, но и чувство вины. Она и сама хотела детей. Да и пора было. Но не получалось. Вот она и расстраивалась. А чувство вины ей муж привил. Света ощущала себя пустоцветом. Хотя знала – с ней все в порядке, она проходила обследование. Но перед мужем все же испытывала неловкость за то, что не могла подарить ему наследника. И не исключала того, что, если она не забеременеет в ближайшее время, он уйдет к более плодovитой...

Но он ушел к бесплодной!

А позже взял с ней ребенка из детдома. Тогда как Свете постоянно твердил о том, что ему не нужны чужие дети!

Света отбросила зеркало. Вспоминать о своих переживаниях того времени не хотелось. Хватит с нее двухгодичной депрессии. Конечно, встретить она в этот период достойного мужчину, все было бы по-другому. Но у Светы не получалось завести отношения. Максимум, что было, – это трехнедельный роман с коллегой. Мужики ведь не любят «надломленных» женщин. С ними слишком сложно, а кому сложности нужны?

Депрессия Светы закончилась недели две назад. Неожиданно.

У нее была машина «Ока». Давным-давно Света выиграла ее в лотерею. С тех пор передвигалась по городу только на ней. Света отлично водила и за рулем чувствовала себя превосходно. «Ока» давно перестала отвечать ее требованиям. Свете хотелось купить более приличный автомобиль. А главное – комфортный. Но она все никак не решалась сменить свою «окушку» на что-то более солидное. Для этого нужно было брать кредит, так как копить Света не умела. Но и больших займов боялась как огня. Вот и ездила на своей «бешеной табуретке».

Две недели назад Зарубина попала в аварию впервые в жизни. До этого даже фары не била и не сшибала зеркала. А тут – влетела в бетонный забор. Шел страшный ливень, и она ничегошеньки не видела. Машину занесло на мокрой дороге, и «окушка» долбанулась в ограждение какой-то заводской территории. Хорошо, что Света смогла развернуть автомобиль и он не ударился водительским боком.

Когда Зарубина выбралась из покоренной машины и окинула ее взглядом, то не заплакала, а засмеялась. Кто-нибудь сказал бы – это шок. Но Света испытала искреннюю радость. И не только из-за того, что осталась целехонькой. А еще из-за «Оки». Теперь она точно отправит ее на свалку, а себе купит в кредит новую. Не может же она остаться без машины!

Это было легкое решение. Приняв его, Света почувствовала себя счастливым человеком. Все казалось теперь простым. А еще, оказавшись на волосок от гибели, Зарубина ощутила всю прелесть жизни и теперь готова была радоваться любой ее мелочи. Дождю например!

Света задрала лицо вверх, давая каплям омыwać его. Вода стекала по лбу, щекам, подбородку, заливалась за ворот футболки, пропитывала ткань, холодила тело...

Зарубина тогда стояла под дождем мокрая и озябшая, но это было прекрасно! Вода смывала с нее остатки депрессии. И плевать на то, что утром можно проснуться с насморком.

Следующий день Света встретила с радостью и... заложенным носом. Но начинающаяся простуда не омрачила ее настроения. И не стала причиной, чтобы не пойти в банк.

В скором времени Света получила кредит и купила машину. Лимонно-желтую, радостную. Под стать своему настроению.

Она не сдержалась и выглянула в окно, чтобы бросить взгляд на свою «девочку». Машина стояла на стоянке возле дома. Зарубина могла ее видеть из квартиры. Только ради нее Света иногда выглядывала ночью в окно.

Она шагнула к плите. На ней стояла сковорода с котлетами. Света решила поесть. На счастье, ночные приемы пищи никак не сказывались на ее фигуре. Она со школы весила сорок восемь кило. Она даже считала, что ей не мешало бы немного поправиться. Это вызывало у Светиной работодательницы и подруги Миланы Черемушкиной приступы возмущения. Сама она всю жизнь боролась с лишним весом, и те люди, которые не ценили своей природной стройности, ее пусть немного, но выводили из себя.

Это, пожалуй, можно считать единственной ее слабостью. В остальном же Милана была идеальна. Хороша собой, умна, доброжелательна. К людям относилась с искренней симпатией. Никогда ни на кого не повышала голоса. При этом все ее уважали, а многие даже побаивались. Света ею восхищалась. И была ей безгранично благодарна. Ведь именно Милана помогла ей пережить развод, а главное – раздел имущества. Когда муж развелся со Светой, то и квартиру решил разменять. И плевать ему было на то, что ее жене дали, как детдомовке. Главное, он там прописан, а значит, имеет право на свою долю.

Поскольку квартира была крохотной, да еще на окраине, ее можно было поменять лишь на две комнаты в общежитии. Света в общежитие не хотела. Но и денег, чтобы отдать мужу его долю, у нее не было (за «Оку» много не выручишь, а больше продавать оказалось нечего). Вот и расселили Свету с мужем по двум общагам. Только бывший свою комнату сдал, так как жил у новой жены, а Зарубиной пришлось заселяться. Оказавшись в этом кошмаре, она плакала каждую ночь. Тихо, в подушку, чтоб своим ревом не разбудить спящего за тонкой стенкой грудничка. Или пьяницу, с которым соседствовала с другой стороны. Этот если просыпался, то не только орал, но и долбил в стену. А мог и в дверь, чтобы занять денег на бутылку. Он же пакостил в общей кухне. А в душ водил своих ужасных баб, когда их тошнило...

Прожила Света в таком кошмаре почти месяц. Как-то она после работы столкнулась в магазине с Миланой. Зарубина ее немного знала. Бывший муж работал на Черемушкину, и они пару раз пересекались на корпоративных мероприятиях. Милана подошла к Свете, поздоровалась, спросила, как дела. Интересовалась искренне, поэтому, наверное, Света ответила не стандартной фразой «отлично», а вывалила правду. Милана не только ей посочувствовала, но и пообещала помочь.

Спустя какое-то время она сдержала обещание. Причем помогла не только Свете, но и ее будущим соседям. Пожилая семейная пара, с которой Милана была знакома, жила в одной квартире с алкоголиком (такая мини-коммуналка), он изводил их. Милана предложила пьянице обмен. Его комнату поменять на такую же по размеру, но в общежитии, еще и с доплатой. Мужик согласился. А вот Света не сразу. Пусть доплата была и незначительная, но у нее и таких денег не оказалось. А принять их в дар от чужого человека...

– Кто тебе сказал, что в дар? – удивилась Милана. – Я тебе их одалживаю.

– Но я не смогу отдать даже за год. Я учителем начальных классов работаю. У меня зарплата – копейки.

– Да, кстати. О работе. Мне нужен секретарь. Не желаешь занять его место? Зарплата не шикарная, но и не копейки...

Так Зарубина стала секретарем Миланы.

Вскоре она переехала из общежития в отличную квартиру в хорошем районе. Соседи ее были милейшими людьми. Света к ним быстро привязалась. И старики относились к ней по-доброму. Можно сказать, что она зажила даже лучше, чем до развода. Но вот только радости не было!

Особенно Свете становилось плохо после встреч с бывшим. Пусть редко, но все же им приходилось пересекаться. Что не удивительно, ведь они работали в одной организации. Увольнять сотрудников только из-за того, что они неправильно поступали со своими экс-супругами, Милана, увы, не хотела. Вот и приходилось Свете сталкиваться с бывшим в приемной. И кто бы знал, сколько выдержки ей требовалось, чтобы не выказать своей ненависти...

О да! Света бывшего мужа ненавидела. Да так сильно, будто когда-то любила – считается, что именно эти два чувства перерастают одно в другое. Но Света всегда относилась к супругу спокойно. Она и замуж вышла скорее из боязни остаться одной. Естественно, симпатию к нему испытывала, но не любила...

Так почему тогда так ненавидела?

Сегодня, вернее, уже вчера, Света вывалила на бывшего муженька весь свой негатив. Не сдержалась! Она не только наорала на него, но и...

Зазвонил сотовый телефон. В полном недоумении Света направилась в комнату, где он лежал. В такое время ей никогда не звонили, поэтому она не отключала на ночь звук. И телефон сейчас исторгал из себя настойчивый писк. Добежав до прикроватной тумбочки и схватив трубку, Света с удивлением обнаружила на экране номер Валеры Иванова. Гражданский муж Миланы был добрым Светиным другом, он знал о расстройствах ее сна и никогда не беспокоил среди ночи.

– Слушаю, – бросила она в трубку.

– Прости, если разбудил, – услышала Света. – Но я не мог не позвонить.

– Валера, что-то случилось?

– Похоже, да.

– С тобой? Или с Миланой?

– Нет, нет, не беспокойся... С нами все в порядке.

– А с кем тогда?..

– С твоим бывшим мужем.

– С Файзаровым? Не может быть... – И с плохо скрываемой издевкой спросила: – Подцепил триппер? Или того хуже – сифилис?

– Света, все гораздо серьезнее...

– Неужто СПИД?

– Он умер.

– Что?

– Да, Света, умер. Его убили вчера вечером. На стройке.

Валера еще что-то говорил. Но Света его не слышала. Она криво улыбалась, думая о том, что бывший муженек сейчас совершенно точно жарится на раскаленной сковородке в аду. Где ему самое место!

Глава 5

Усталый как черт, Леша ввалился в свою малогабаритную квартиру. Прихожая была такой мизерной, что если Назаров немного разводил руки в стороны, то ладонями упирался в стены. А если делал широкий шаг, то переступал порог комнаты. В принципе одному ему и такой было достаточно, но Леша всегда мечтал о большой прихожей. Не о кухне, где он только заваривал чай да жарил яичницу, не о комнате, в которой он спал и перед тем, как погрузиться в дрему, десять минут смотрел телевизор. Ему хотелось иметь именно огромную прихожую. Чтобы, когда он возвращался домой после работы, стены и потолок не давили на него. Потом – пусть давят. Но в первые минуты ему нужно было ощущение простора. А также швырнуть ботинки в другой конец помещения. Скинуть куртку. Поиграть портфелем в футбол. И пусть вещи валяются до утра, все равно никому не помешают!

Еще Леша не отказался бы от балкона. Он думал, что при его наличии свои нечастые свободные вечера он проводил бы, сидя там. Купил бы плетеное кресло, столик и кальян. Сидел бы, курил и смотрел на закат.

Но балкона в его квартире не было. И прихожая неприятно поражала теснотой. Поэтому, придя домой, Леша тяжело вздыхал, разувался, раздевался. Ботинки ставил под вешалку, на которую пристраивал куртку и портфель, иначе по пути в туалет (если побредешь туда ночью полусонным) наткнешься на что-нибудь и грохнешься. А в его крохотной прихожей лучше не падать, иначе башку расшибешь.

Леша прошел в санузел. Умылся. Ему было лень включать колонку, поэтому он обливал лицо холодной водой. Это его взбодрило. И захотелось есть.

Назаров передислоцировался на кухню. В холодильнике, как обычно, ничего, кроме яиц, майонеза и колбасы, не было. Но омлета Леше не хотелось. Как и банального бутерброда. Здоровый мужской организм требовал плотного горячего ужина. «Супчика бы, – подумал Назаров, сглотнув слюну. – А лучше картофельной запеканки с грибочками и кусочками бекона из ресторана, где наш отдел справляет дни рождения шефа. Или горохового пюре с копчеными ребрышками, которые так изумительно готовит матушка Витька. Да что там... Я бы слопал сейчас даже макароны по-флотски самого Витьки, хоть они и мерзко слипшиеся. Зато горячие!»

С надеждой заглянув в кухонный шкаф и не найдя там макарон даже быстрого приготовления, разочарованный, Леша подошел к плите и зажег газ. Он решил пожарить тосты.

Вообще то, что он в свои тридцать не умел готовить, было делом странным. Детдомовцы обычно рано начинают самостоятельную жизнь, и уж банальное пюре и суп из кильки умеет сварганить каждый. А вот Леша только яичницу жарил. И омлет. Остальные блюда ему не давались. Даже покупные пельмени он умудрялся переварить до состояния каши с вкраплениями фрикаделек.

Налив на сковороду масла, Леша стал нарезать хлеб. Сделав это, он начал искать чеснок – им надлежало натереть куски, чтобы от них вкусно пахло. Но заветной головки и даже завалящегося зубчика найти не удалось. Чертыхаясь, Леша хлеб просто посолил и собрался уложить его на сковородку, когда в дверь позвонили. Пришлось бежать открывать.

Как Леша и предполагал, явилась Настя. Его соседка и с недавних пор любовница. Только она могла завалиться среди ночи в гости.

– Приветик, – поздоровалась Настя и, не дожидаясь приглашения, вошла. – Курила у открытого окна, смотрю, в твоём свет зажегся. Вот и решила заглянуть.

Она была крайне бесцеремонной женщиной. Этим и брала. Назарова она сама затащила в постель. Он, естественно, не сильно сопротивлялся, так как секса у него сто лет не было, а Настя выглядела очень аппетитно, но когда все закончилось, он надеялся, что повторения не

будет. Спать с соседками или коллегами Леша считал неправильным. Но его никто не спросил! Настя уже на следующий день притащилась к нему со сломанным утюгом, попросила посмотреть. Леша не смог ей отказать сначала в этом, затем в другом, уже интимном. Да и какой бы мужик устоял перед женщиной, скинувшей перед тобой халатик, под которым ну совершенно ничего...

– Что у тебя горит? – спросила Настя, поведя носом.

– Ой, забыл! – выпалил Леша и бросился в кухню. Масло уже дымило, и пришлось убирать сковородку с огня. – Хотел тостов пожарить, и вот...

Настя сокрушенно покачала головой. После чего сказала:

– Жди, сейчас вернусь. – И убежала.

И вернулась на самом деле скоро, держа в руках большую эмалированную миску, обернутую полотенцем.

– Вот, ешь! – сказала она, поставив ее на стол. – Недавно сварила, еще горячий. Я люблю ночью готовить, когда никто не мешает. Как пришла со смены, так вместо того, чтоб спать лечь, к плите... – И игриво добавила: – Будто знала, что мой соседка голодный.

Леша заглянул в миску и проглотил слюну. Борщ! Наваристый, яркий, с фасолінками и сочной зеленью петрушки. Еще не попробовав его, Назаров знал – борщ невероятно вкусный.

Пока он облизывался, Настя сложила хлеб на тарелочку, достала майонез. Дала Леше ложку и подвинула к нему солонку с перечницей.

– Приятного аппетита, – пожелала она, усевшись рядышком.

Назаров поблагодарил ее кивком и принялся за борщ. Он его не разочаровал. Густой, острый, невероятно вкусный, как будто из русской печки. Леша один раз ел такой, когда ездил в трудовой лагерь картошку собирать. Там он сильно простыл, и его переселили из общежития в дом фельдшерицы. Ее старушка мать все готовила в русской печи, и Леша напробовавшись таких вкусностей, что не мог их забыть до сих пор. Но борщ из чугунок ему запомнился больше остальных блюд. И этот, Настин, ему не уступал. Кто бы мог подумать, что она так здорово готовит. На вид барышня совершенно безалаберная!

Леша уплетал борщ с таким аппетитом, что Настя не выдержала – рассмеялась.

– Оголодали вы, товарищ Назаров.

– Угу...

– Может, добавочки?

– Не надо. Я и так, наверное, полкастрюли оприходовал. А у тебя сын, его тоже кормить надо.

– Он борщ не ест. Так принести еще?

– Принеси, – не стал спорить Леша.

Настя быстренько сбегала к себе и притащила новую порцию угощения (на сей раз в баночке), завернутый в бумагу кусок шарлотки и бутылку. Неполную. Водки в ней было чуть больше половины.

– Это зачем? – спросил Назаров, ткнув пальцем в бутылку.

– Ну как... Чтоб выпить.

– Я не буду.

– Да ладно тебе! Тяпнем по рюмашечке для расслабона. А то ты вечно такой зажатый... – И, поставив бутылку, она начала искать в подвесном шкафу стопки. Не найдя ничего подходящего, спросила: – Леш, а где у тебя посуда, из которой пьют?

– Перед тобой.

– Но тут только чашки чайные. И какой-то грязный стакан. – Она понюхала его. – Ты в него свечку, что ли, ставишь, когда свет отключают?

– Ты очень проницательна.

– А стопки где?

– Их нет.

– Как так?

– Настя, я уже говорил тебе, что не пью. Поэтому стопки, как и фужеры, мне без надобности.

– А если гости?

– Гости знают, что я не пью и не люблю, когда при мне это делают, так что если являются, то с тортиком.

– Закодированный, что ли?

– Нет, – рявкнул Леша.

Его достал этот вопрос. Почему-то все считали, что если он не употребляет, то раньше бухал по-черному, а теперь закодировался. На самом же деле Алексей ни разу в жизни не пил алкоголя. Он боялся пробовать. А вдруг понравится? Его отец был алкоголиком. Мать большой любительницей выпить. Зная, до чего пристрастие к спиртному довело обоих, Леша еще в детстве решил – он будет трезвенником.

– Назаров, ну что ты так разнервничался? – медовым голосом запела Настя. Она мигом уловила перемену в Лешинем настроении и поспешила все исправить, пока не поздно. – Я сама не любитель спиртного. Эта бутылка у меня стоит уже полгода. Покупала, чтобы сыну компрессы водочные делать. Болел он...

«Зачем врёт? – подумал Назаров. – Я же вижу дату розлива на этикетке. Она недавняя...»

– Насть, я наелся, – сказал он, отодвинув миску. – Спасибо тебе.

– А как же добавка?

– Не влезет в меня она...

– И пирожок?

Настя подсунула шарлотку ему под нос. Но Алексей реально наелся. И утвердился в своем нежелании спать сегодня с Настей. Не то было у него настроение, чтобы что-то изображать. Да и секса совсем не хотелось! Устал он...

– Леш, ну скушай пирожок, – заканючила Настя, раздражая его еще больше. – Вкусненький...

– Настя, прости меня. Но я прошу тебя уйти. Поздно уже, и я валюсь от усталости.

Назаров понимал, что это грубо, но вынужден был сказать. Ему давно стало наплевать на то, что о нем подумают. И если Настя обидится на него настолько, что ни разу больше не заглянет и даже не поздоровается при встрече, он переживет. Конечно, не хотелось ссориться с соседями, но уж если так сложилось...

– Я понимаю, Леша, – кивнула Настя. – У тебя нервная работа. Хочешь побыть один. Да и прав ты, уже слишком поздно. И тебе, и мне пора спать.

Назаров благодарно ей улыбнулся. «Она все понимает, – мысленно воздал он ей хвалу. – И про работу мою. И что она сама мне не очень нравится. Да и я ей, собственно, не особо... Но я мужчина. И под боком. И я холостяк со своей жилплощадью. Как такого упустить?»

– Настя, ты умница, – как можно мягче проговорил Леша. – И я благодарен тебе и за борщ, и за понимание...

Настя хотела услышать другие слова. Поэтому, желая «подсластить пилюлю», он добавил:

– Позволь поцеловать тебя перед тем, как мы простимся...

И, не дождавшись от нее разрешения, впился в ее губы своими. Поцелуй был недолгим, но страстным. Настя старалась вовсю. Ей хотелось раззадорить Лешу, чтоб он передумал. И Леша раззадорился, но не столь сильно, как хотелось Насте...

Оторвавшись от ее губ, Назаров прошептал:

– Спокойной ночи.

– Приятных снов!

– И тебе.

– Еще увидимся?

– Конечно, ведь мы соседи...

– Могу я завтра забежать к тебе вечером? Я планирую налепить пельменей. Любишь их?

– Обожаю. Но завтра я дежурю. Так что буду есть слипшиеся пельмени в нашей столовке. – Он похлопал Настю по попе, намекая на то, что ей пора. Она все поняла и заспешила домой:

– Ладно, пока. У меня еще дела... – Она цапнула принесенную с собой бутылку за горлышко. – Это забираю, тебе все равно без надобности, а мне еще пригодится. Сын у меня чахлый...

Она послала Леше воздушный поцелуй и удалилась.

Когда за Настей захлопнулась дверь, он облегченно выдохнул. А потом вознес хвалу всевышнему за то, что он создал русских женщин такими понятливыми.

Назаров поднялся, чтобы включить чайник. Взгляд его упал на кусок шарлотки, оставленный Настей. Он выглядел так аппетитно, что Леша не удержался: поднес ко рту и, с наслаждением вдохнув яблочно-ванильный запах, откусил. Пирог оказался превосходным. Такой хоть каждый день ешь, не надоест. Не то что чертовы тосты с чесноком.

«Кажется, я понимаю, почему некоторые закоренелые холостяки все же женятся, – хмыкнул про себя Леша. – Им просто надоедает питаться бутербродами и яичницей...»

Быстро словав шарлотку, Назаров налил себе чаю. Пока тот заваривался, помыл посуду. Леша никогда не оставлял грязные тарелки на утро. Как бы поздно он ни ужинал, как бы ни устал за день, он всегда споласкивал их перед тем, как отправиться спать. Сказка, иногда у друга ночующий, считал такое поведение заскоком. И крутил пальцем у виска, видя, как едва держащийся на ногах Назаров встает к раковине, чтобы вымыть посуду.

Леша терпеть не мог беспорядка на кухне. Почти так же сильно, как пьянства. А вот к бардаку в комнате относился спокойно. Мог неделю не застилать кровать. Но уж если он все же это делал, то несколько дней ее не разбирал. Плюхался одетым на покрывало и засыпал.

Сегодня его холостяцкое ложе было заправлено. Назаров упал на него в джинсах и футболке. Заложив руки за голову, он задумчиво уставился в потолок. Потолок был снежно-белым. Леша белил его регулярно, потому что любил размышлять именно в такой позе, а подтеки и пятна его отвлекали.

Назаров повернулся на бок. Ему ужасно хотелось пить (острый борщ давал о себе знать), но топать в кухню было лень. «Была б жена, – подумалось Леше, – принесла бы воды. А потом, когда я утолю жажду, подлезла под бочок, обняла бы, прижалась, и мы бы вместе уснули...»

Леше от этих мыслей стало грустно. Когда-то у него была женщина, с которой ему хотелось вместе засыпать и просыпаться. Ее звали Наташей, и он потерял ее несколько лет назад...

Глава 6

Несколько лет назад...

Леша Назаров дежурил на уличной дискотеке по случаю Дня молодежи. Танцевали под живую музыку. На сцене выступала малоизвестная поп-группа, а молодежь, для которой устраивалось мероприятие, танцевала подле нее. Так как проходила дискотека не на Красной площади и даже не на одной из центральных, а у старого Дворца культуры в пригороде, то места для танцев было мало. Поэтому пьяные парни сильно мешали друг другу, толкались, наступали на ноги. То тут, то там возникали мелкие драчки, и дежурившим приходилось смотреть в оба, чтобы не допустить крупной потасовки.

Дискотека подходила к концу. До ее завершения оставалось пятнадцать минут, когда диджей объявил о том, что на сцену выходит «гвоздь программы», а именно – певец Стас Огоньков. Вообще-то никто не верил в то, что поп-идол явится, хотя его имя и красовалось на афише. Дело в том, что Стас был очень популярен, а их пригород ничем не примечателен. Мероприятие спонсировал не какой-нибудь крупный богач, а мелкие торгашки, такие на гоночар звезд разве наскребут? Наверняка сначала афишу напечатали, а только потом Огонькова пригласили, не зная, сколько тот за выступление потребует.

Но Стас, к всеобщему удивлению, приехал, пусть и на четверть часа. Когда он появился на сцене, высокий, красивый, длинноволосый, женская часть аудитории разразилась счастливым визгом. Многие тут же ринулись вперед, чтобы оказаться поближе к кумиру. Те же счастливицы, что стояли у сцены, не желали сдавать своих позиций и «соперниц» отталкивали. Началась массовая потасовка. Леша с коллегами бросился разнимать беснующихся женщин. Назаров не успел подбежать к толпе, как ему под ноги упала какая-то девушка. Лица ее он не рассмотрел, его закрывали растрепавшиеся волосы золотистого цвета. Леша поднял ее, хотел отнести в безопасное место, но барышня вырвалась и снова ринулась к сцене, пища при этом: «Ста-а-ас! Я люблю тебя!»

Назаров решил махнуть на нее рукой, но тут рассмотрел на лице девушки кровь. Она стекала по скуле и шее, заливая ворот белой водолазки. Фанатка ничего не замечала. А вот Леша не смог закрыть на это глаза и бросился к ней, чтобы оказать медицинскую помощь.

На сей раз у него получилось утащить ее с танцплощадки. А все потому, что Стаса со сцены от греха подальше увели. Леша усадил девушку на лавочку и стал осматривать ее рану. Она, к счастью, оказалась неглубокой. Щеку не разрезали (битых бутылок было полно под ногами, и кто-то мог взять осколок в руки), по ней всего лишь заехали кулаком или локтем. Леша вытащил из кармана носовой платок и приложил к ране.

– Держи, – скомандовал он. – А я за аптечкой схожу.

– Где он? – выпалила девица, нервно озираясь.

– Кто? Тот, кто тебя ударил? Ты помнишь его лицо?

– Стас! Где Стас? Почему его увели? И куда? Он еще выйдет на сцену?

– Вряд ли. Дискотека окончена.

И тут девушка расплакалась. Горько, навзрыд. Леша хотел дать ей платок, но вспомнил, что он уже сделал это, только использовал его в качестве ватного тампона.

– Я из-за него с другого конца города сюда приехала, – всхлипнула фанатка. – Хотела автограф взять... Но даже к сцене подойти не дали.

– Сходите лучше на нормальный концерт.

– Были бы деньги на билет, давно бы...

И она судорожно вздохнула.

Леша впервые внимательно присмотрелся к девушке. Она оказалась очень бедно одетой. Водолазочка была из самого дешевого магазина, джинсы старые, кроссовки того и гляди раз-

валятся. Но все это было не важно, поскольку фанатка Огонькова оказалась так хороша, что ее красота затмевала все. Смугленькая, кареглазая, с волнистыми волосами того редкого оттенка, который называют медовым. А что за дивный носик – маленький, чуть вздернутый и очень подвижный. Девушка, когда шмыгала им, была похожа на ежика.

– Тебя как зовут? – спросил Леша.

– Наташа.

– Наташ, пошли в мою машину, а?

– Это еще зачем? – подозрительно спросила она.

– Я тебе щеку обработаю.

Наташа колебалась.

– Да не бойся ты. Я в милиции работаю. Вот мое удостоверение. – И Леша продемонстрировал ей свои корочки.

– Тогда ладно, пошли, – согласилась она.

Назаров привел ее к своей старой колыхающей. Коллеги считали, что это позор, а не машина и лучше совсем не иметь авто, чем такое, но Леша любил свою «ласточку». Это было первое его персональное средство передвижения, в которое он вложил очень много труда и денег. Старую развалину пришлось и варить, и красить, и детали в ней менять. Но «ласточка» все равно то и дело ломалась и выглядела не слишком презентабельно. Однако Наташе она понравилась:

– Миленькая у тебя машина. Цвет такой приятный...

Леше тоже нравился цвет: небесно-голубой, но мужики находили его «бабским». А главный зубоскал отделения, Витек Сказка, называл «педористичным» и именовал «ласточку» не иначе как «гей-мобилем».

Назаров помог Наталье забраться в салон, затем уселся сам. Открыв аптечку, достал перекись и ватку.

– Может пощипать, – предупредил он, перед тем как начать.

– Ничего, я к боли привычная.

– Когда успела привыкнуть?

– Папаша меня частенько колотит.

– Пьет?

– По-черному.

– А мать?

– Нет ее. Умерла давно. После этого отец и стал бухать.

И Наташа поведала ему свою немудреную историю. О том, как хорошо и дружно они жили раньше, но когда мамы не стало (при простейшей операции по удалению аппендикса занесли инфекцию, и молодая женщина умерла от заражения крови), отец от горя запил. Сначала только вечерами принимал, потом и днем начал. В обед. Когда попался пьяным на глаза начальству, его уволили. С тех пор он работал нерегулярно, а вскоре совсем перестал. Хорошо хоть Наташа к тому времени окончила школу и смогла устроиться в магазин продавщицей. Училась она заочно, в техникуме, так что могла и образование получать, и трудиться. Наташа довольно неплохо зарабатывала, но отец почти все деньги отбирал. Ему они были нужнее, ведь пить на что-то надо. Когда у дочери необходимой ему суммы не оказывалось, он пускал в ход кулаки. Если деньги были, он отнимал их, уходил из дома и возвращался таким пьяным, что мог харкнуть в чашку с чаем или помочиться на ковер. Вот так и жили. Наташа, которой было уже девятнадцать, при таком отце не имела никакой личной жизни. И из квартиры надолго не уйдешь – он мог привести дружков-алкашей, и к себе никого не пригласишь – стыдно...

– А однажды, – продолжала рассказ Наташа, – я увидела по телевизору его. Стаса! У нас ужасный «ящик». Такой старый, что его даже за бутылку не продашь. Черно-белый еще. И показывает только Первый канал. Но когда по телевизору показали Стаса, у меня сердце так и ухнуло. Он именно тот, о ком я мечтала. Красивый, талантливый, умный, романтичный...

– Откуда ты знаешь, что он умный и романтичный? – цокнул языком Леша. Насчет первого и второго он спорить не стал: Огоньков на самом деле хорош собой и не бездарен, но на этом, по его мнению, достоинства того и заканчивались.

– Да я же вижу! У него в глазах интеллект. А как поет! Будто душой. Конечно, он романтичный...

Назарову все стало понятно. Девочка, лишенная возможности заводить отношения с реальными парнями, погрузилась в мир фантазий. В них она встретила прекрасного принца и полюбила. В роли принца выступал Стас Огоньков. Красивый, талантливый, умный и романтичный. При этом Наталья не сомневалась, что ее мечты воплотятся в жизнь. Она подойдет к своему кумиру за автографом, он увидит ее, влюбится, и они поженятся.

Леше стало жаль девушку. И жалость эта многократно усилила его симпатию к ней. Назаров вообще был из породы тех мужчин, что увлекаются именно теми барышнями, которые нуждаются в сострадании и опеке. Начиная с той первой девочки, что обнаружила в портфеледохлую ворону. Она была очень скромной, если не сказать забитой, и ее каждый готов был обидеть. Леша сначала ее просто жалел, а потом не заметил, как стал ей симпатизировать. После же истории с мертвой птицей Назаров влюбился не на шутку. И опекал даму своего сердца вплоть до восьмого класса. Он бы и дальше любил ее и оберегал, но девушка нашла себе старого и богатого дядю, и малолетний, а главное – нищий рыцарь стал казаться ей глупым и жалким. И в его защите она перестала нуждаться – ее «папик» был близок к криминальным кругам, и все об этом знали...

– Наташа, давай я тебя домой отвезу? – предложил Леша.

– Я далеко живу.

– Ты уже говорила...

– Это ничего?

– Ничего. Я все равно собирался немного покататься. Люблю, знаешь ли, перед сном, – довольно убедительно соврал он, хотя обычно ложь ему давалась с трудом.

И они поехали.

По дороге болтали о том о сем. Наташа оказалась приятной собеседницей. Единственное, что немного раздражало Лешу, – это частое упоминание в разговоре Стаса Огонькова. Наташа не могла выкинуть его из головы и то вздыхала по поводу того, что ей так и не удалось взять у него автограф, то вслух мечтала о походе на его концерт, то спрашивала, слышал ли Леша последний его хит. Если же Назарову удавалось увести разговор в сторону, то общение с девушкой доставляло ему огромное удовольствие. Она была умненькой, веселой и мягкой. Последнее для Леша было очень ценно. Он не переносил грубоватых, хамоватых, навязывающих ему свое мнение женщин. А еще дам с громкими голосами. Все они напоминали Назарову армейского старшину Куницына, чей громовой рык заставлял его вскакивать по утрам на протяжении двух лет.

Когда они подъехали к Наташиному дому, Леша очаровался девушкой окончательно. И не хотел с ней расставаться.

– Давай, провожу тебя до квартиры, – предложил он, – а то район у вас, прямо скажем, не очень благополучный, вдруг в подъезде шваль какая-то тусуется...

– Тусуется, конечно, но я всю эту шваль знаю. Выросли вместе. Так что не стоит беспокоиться.

– И все же я настаиваю.

– Хорошо, – покладисто согласилась Наташа. – Если тебе так будет спокойнее, пошли.

И они пошли. В подъезде, как и предполагал Леша, «зависла» лихая компания. Но Наташу они встретили приветливо. Поздоровались, улыбнулись, а один из коды предупредил: «Папашка твой дома. Бухой в хламину!» Услышав это, Наташа поникла. Уголки ее рта опусти-

лись, спина ссутулилась. Тяжко вздохнув, она сказала Леше: «Ты не провожай меня до двери. Если папа увидит тебя, то устроит мне разнос!»

Но было поздно. Наташин отец, видимо, услышав ее голос, распахнул дверь и вывалился на лестничную клетку. На нем были дырявые семейные трусы, вытянутая майка. От мужика воняло перегаром и мочой, наверняка в пьяном состоянии он ходил под себя. Сфокусировав свой мутный взгляд на Наташе, алкаш прохрипел:

– Что, потаскуха, нашлаешься? В доме жрать нечего, а она с кобелями таскается...

– Папа, замолчи! – взмолилась Наташа. – И пойдем в дом.

– Я пойду! А ты в ларек побежишь. купишь пожрать и выпить.

– Но продукты я только сегодня покупала... Или ты опять дружков приводил и вы все сожрали?

– Ты как с отцом разговариваешь? – взревел мужик и замахнулся.

Тут Леша решил вмешаться. Он сразу, как только Наташин отец обозвал ее «потаскухой», собирался это сделать, даже шагнул вперед, но девушка придержала его за руку. И Назаров замер. Желание женщины закон. Если она не хочет, чтобы за нее вступались, так тому и быть. Вот только когда на даму руку поднимают, он не мог оставаться сторонним наблюдателем.

– Придержи лапы, – проговорил он, перехватив руку Наташиного отца.

– Че-е-е-е? – взревел тот, насупив седые брови. – Че ты сказал, тля?

Леша не стал повторять, просто вывернул мужику кисть и чуть надавил на нее.

– Че творишь, гад? – зашипел тот. В полный голос говорить не мог из-за боли.

Назаров склонился к уху пьяницы и тихо, чтобы не услышала Наташа, предупредил, что если тот вздумает обращаться с дочерью по-скотски, то ему мало не покажется. В голосе Алексея было столько скрытой угрозы, что раздухарившийся пьяница мигом понял, что с ним не шутят:

– Все, командир, все... Понял, – зашептал он. – Руку отпусти.

Леша не был садистом, поэтому сразу же ослабил хватку. Но пальцы не разжал, пока не закончил:

– И ни в какой ларек Наташа не побежит – поздно уже. Усек?

Мужик часто закивал.

– Рад, что мы прекрасно понимаем друг друга. А теперь топай в кровать. Тебе проспать надо... – велел Назаров.

Наташин отец послушно потопал. А его дочь с Лешей еще полчаса сидела на кухне, они пили чай. Назаров ждал, когда алкаш крепко уснет, чтобы со спокойной душой покинуть дом Натальи.

Но на следующий день он вновь был там. Батя Наташи, увидев Назарова, сделал вид, что несказанно ему рад. Усадил в кресло, предложил выпить. Но не это Лешу порадовало, а то, что алкаш с дочкой был ласков. Не орал на нее матом, не требовал денег. Назаров спросил у нее: «В мое отсутствие он себя так же ведет?», она ответила утвердительно.

Чтобы так же продолжалось и далее, Леша стал навещать в гости к Наташе регулярно. Пару раз в неделю он заезжал, и они либо сидели у нее в комнате (но Леше это не нравилось, поскольку все стены в ней были заляпаны портретами несравненного Огонькова), либо уходили гулять. Наташа ему безумно нравилась. Он мечтал о близости с ней. Естественно, ему хотелось обладать девушкой, ведь он был уже не мальчик – мужчина, но радостью было бы просто обнимать Наташу, нежно держать за руку, целовать... Пусть даже не в губы, а в висок, в подвижный носик, в подбородок с едва заметной ямочкой, в шейку, где трепетно бьется жилка, в загорелое плечико с яркой родинкой. Но Леша сдерживал свои порывы, боясь отпугнуть Наташу. Он видел, что она невинна, поэтому вел себя с ней по-джентльменски. И симпатию свою если и выражал, то ненавязчиво. Назарова не оставляла уверенность в том, что он будет отвергнут. Наташа так сильно была увлечена Огоньковым, что видела рядом с собой лишь его.

Остальные же представители мужского пола, по ее мнению, не стоили его мизинца. Назаров в том числе. Наташа, конечно, его уважала и была благодарна ему, но не рассматривала Лешу в качестве своего избранника...

По крайней мере ему так казалось. Но Леше очень хотелось думать, что он ошибается!

В августе у Наташи был день рождения. Леша преподнес ей удивительный подарок – билет на концерт Стаса Огонькова. Назаров долго думал, стоит ли это делать, но потом решил, что главное для любого человека – доставить радость тому, кто тебе дорог. Пусть и в ущерб себе! Он понимал, что после концерта Наташа может еще сильнее влюбиться в Стаса, и тогда у него не останется ни единого шанса. Но с другой стороны, есть вероятность, что Наташа в своем кумире разочаруется. Вдруг при ближайшем рассмотрении он не покажется ей таким уж красивым? А если заест фонограмму, то и талантливым. Романтичным Стас тоже перестанет казаться, если, к примеру, оттолкнет кого-то из фанаток. А умным он и не был никогда. В общем, не принц. Обычный парень, чудом взобравшийся на музыкальный олимп. Если Наташа поймет это, то наконец прозреет и заметит того, кто рядом с ней, то есть его, Лешу, и многое изменится...

На концерт Наташу провожал Назаров. Довез до места, высадил и пообещал дожидаться, когда все закончится. Сначала он хотел идти на выступление вместе с ней, но, живо представив, как восхищенно она будет смотреть на Огонькова, а хуже того – пищать: «Стас, я тебя люблю!», передумал. Такой попытки ему не вынести! Уж лучше посидеть в машине.

Когда концерт закончился, Леша вышел из своей «ласточки», чтобы встретить Наташу у дверей. Он слышал, что фанатки частенько устраивают драки, и хотел защитить даму своего сердца. Вдруг потасовка начнется, а Наташа не сможет дать отпор? Она же такая нежная, ранимая. Такую каждый горазд обидеть...

Она выбежала одной из последних. К тому времени Леша уже стал волноваться.

– Ну где ты ходишь? – выдохнул он, увидев показавшуюся из-за двери Наташу. – Я уж не знал, что и думать... У тебя все в порядке?

– О да! – ответила Наташа с придыханием.

– Тогда пошли скорее в машину! – Леша взял ее за руку и потянул за собой, но девушка вдруг уперлась. – Ты чего? – не понял он.

– Леша, поезжай без меня.

– Как? Почему?

Назаров смотрел на нее непонимающими глазами, а она на него – восторженными. Они сверкали так ярко, что Леше хотелось зажмуриться. Ведь излучаемый ими свет говорил об одном – Наташина любовь к Огонькову разгорелась еще сильнее.

– Леша, ты не поверишь, – прошептала она. – Меня Стас на свидание пригласил.

Назаров и вправду не поверил. Решил, что она фантазирует, выдавая желаемое за действительное.

– Он спрыгнул в зал, – продолжала Наташа, – когда пел песню «Незнакомка». Прошел по ряду и тут... – Она зажмурилась. – Леша, из множества лиц он выбрал мое! Мы встретились глазами, и дальше он пел только для меня.

– Я за тебя рад, но с чего ты взяла, что это было приглашение на свидание?

– Оно последовало позже, когда концерт закончился. Я выходила из зала, и ко мне подлетел помощник Стаса. Он сказал, что тот очарован мной и желает познакомиться поближе.

– И ты согласилась?

– Конечно! Так ты поезжай, а меня сейчас подхватят у запасного выхода.

– Наташа, я бы не советовал тебе...

Но она его не слушала, побежала туда, откуда вырулил черный «Мерседес». Машина катила на малой скорости, и к ней тут же ринулись фанатки. Экзальтированные девушки обсту-

пили авто и начали стучать в окна. Сидящий в салоне Стас милостиво поклонницам улыбался и слал воздушные поцелуи.

– Стой! – крикнул вслед Наташе Леша. – Тебя разорвут, если ты попробуешь сесть в машину!

– А я и не собираюсь в нее садиться, – отмахнулась Наташа. – Меня предупредили, что к Стасу нельзя. Следом за «Мерседесом» поедет «Рено» ассистента. Вот в него я и сяду. Надо только пять минут подождать.

– А мне с тобой можно?

– С ума сошел?

– Наташа, я не могу тебя отпустить одну... Мало ли что у них на уме.

– Леша, ты что такое говоришь? Меня Стас... – И со священным трепетом повторила: – Ста-а-ас! Пригласил на свидание! Он хочет узнать меня получше, понимаешь?

– Да, но...

– И как я возьму тебя? Ты же будешь нам мешать. Нет, Леша, спасибо, конечно... За все спасибо, но... Я поеду на свидание одна. Я чувствую – сегодня произойдет что-то необыкновенное!

И она, счастливо рассмеявшись, бросилась к выкатившемуся из-за ворот «Рено». Леша не успел оглянуться, как Наташа скрылась в салоне притормозившего авто.

Назаров проводил взглядом отъезжающую машину, постоял некоторое время в раздумье, а затем побежал к своей «ласточке» и помчался вслед за «Рено».

Он быстро нагнал машину ассистента поп-звезды и пристроился ей в хвост. Ехали быстро, с одной остановкой. «Рено» притормозил, чтобы пассажирка – Наташа – смогла пересесть в «Мерседес». Когда она нырнула в машину Огонькова, Назаров едва не заскрипел зубами. Он не просто ревновал свою девушку к другому мужчине, он боялся, что ее обидят или научат плохому. А что? Запросто могут на наркотики подсадить, у них в шоу-бизе каждый второй на коке! А если Наташа не пожелает принимать дозу, выгонят ее вон. И что она будет делать потом? Машины явно следуют за город. Наверняка в один из престижных поселков. И если вдруг все пойдет так, как Леша думает, Наташа окажется одна на улице незнакомого населенного пункта.

Назаров не ошибся. Огоньков на самом деле ехал со своей свитой в «буржуйский» поселок. У ворот готического особняка обе машины остановились. Люди вышли. Наташа шла в обнимку с Огоньковым. Он хватал ее за ягодицы и целовал в ухо, но девушка была не против. Она благосклонно улыбалась Стасу и поглаживала его накачанные плечи.

Увидев эту сцену, Назаров хотел развернуть свой «жигуль» и уехать восвояси. Он даже дал задний ход, но... Что-то его остановило. И Леша остался в поселке, припарковав авто у ворот соседнего, не такого шикарного, обычного деревянного дома. Его «ласточка» возле него смотрелась очень органично, то есть не бросалась в глаза.

Назаров включил радио, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Под тихую музыку он задремал. Проснулся спустя два часа. Он не поверил своим глазам, когда на часы глянул. Ему казалось, что он дремал минут десять, а оказалось, усталость рабочего дня и беспокойного вечера сморила его надолго.

Леша протер глаза, затем выглянул в окно. Улица была пуста. Назаров покосился на особняк, за воротами которого скрылась Наташа. В некоторых окнах горел уютный желтый свет. На балконе расслабленно курил какой-то мужчина в халате, наверняка хозяин. Ни оглушительной музыки, ни громких голосов не слышалось. От дома так и веяло покоем. Леше стало немного совестно. Вечно ментовская подозрительность мешала ему адекватно людей оценивать. Везде злодеи мерещились. Приличные дома наркопритонами да борделями кажутся. А искренняя симпатия принимается за показную...

Назаров завел мотор, собираясь уехать. Наташа сейчас наверняка спит под бочком у Огонькова. Между ними уже произошла близость, и они отдыхают.

От этих мыслей Леше стало не по себе, и он отогнал их. Домой надо ехать скорее! А то с утра на работу, а он и не спал толком. Едва Назаров взялся за рычаг переключения скоростей, как увидел Наташу. Она выбежала на улицу, хлопнув калиткой ворот, и стала нервно озираться по сторонам. Леша помигал ей фарами, но она, вместо того чтобы подойти к машине, побежала в проулок. Назаров, выскочив из салона, бросился за ней с возгласом:

– Наташа, стой! Это я!

Услышав знакомый голос, Наташа остановилась, обернулась.

– Это ты, – облегченно выдохнула она, кидаясь к Леше.

– Что случилось?

– Ничего...

– Точно?

– Все в порядке, Леша... – И с мольбой в голосе сказав: – Поехали скорее отсюда! – потянула его к машине.

Назаров видел, что Наташа не в себе, но ничего у нее больше не спрашивал. Решил подождать. Вот успокоится немного, и тогда...

– Леша, ты не приезжай ко мне больше, пожалуйста, – проговорила она вдруг.

– Почему? – опешил он.

– Не надо... Ни к чему это.

– Наташа, я не понимаю, что на тебя нашло...

– Я ведь тебе нравлюсь, да?

– Да конечно.

– Не как человек, а как женщина?

– Ну... – Леша замялся на миг, но, решив, что настало время сказать правду, выпалил: – Ты мне очень нравишься, Наташа. И как человек, и как женщина. Я мечтаю встречаться с тобой.

– Вот поэтому не надо, Леша, не приезжай больше.

– Да почему?

– Потому что я не буду с тобой. Никогда не буду! Так зачем?... – И она расплакалась.

Назаров заглушил мотор и попытался обнять Наташу, но она оттолкнула его:

– Не трогай меня! И поехали! Я хочу домой.

– За что ты меня так возненавидела? – спросил Леша с горечью. – С чего вдруг?

– Я тебя не ненавижу. Просто не хочу больше видеть.

– Это из-за Огонькова?

– Да.

– Ты так его полюбила, что я стал тебе противен?

Наташа посмотрела на Назарова полными страдания глазами и кивнула.

– Что ж... – Леша постарался говорить спокойно. – В таком случае не смею больше тебе навязывать свое общество. Потерпи его еще чуточку, пока я не довезу тебя до дома.

Назаров ждал, что она что-нибудь скажет в ответ, но Наташа молчала. Терпела его, сцепив зубы!

Когда они доехали до дома, девушка выскочила из машины, даже не попрощавшись. Леша смотрел ей вслед и думал о том, что делает страшную ошибку. Нельзя так легко отказываться от своего счастья!

– Наташа, стой! – крикнул Леша, выскочив из машины. – Давай поговорим!

– Оставь меня!

– Не могу...

Он подлетел к ней, попытался обнять за плечи, но Наташа вырвалась и забежала в подъезд. Дверь она подперла своим телом, не давая Назарову проникнуть следом за ней. Леша был сильнее и легко преодолел преграду. Но Наташа вновь не далась ему в руки, побежала вверх по лестнице. Назаров догнал ее, схватил за локоть и выпалил:

– Не отстану, пока не объяснишь толком, что с тобой. Тебя будто подменили сегодня!

И тут он заметил на ее запястье большой кровоподтек (ранее его прикрывал рукав джинсовой куртки, который теперь задрался). Леша был уверен на все сто, что вечером его не было. Наташа ходила в одной майке, джинсовку накинула только ночью, а до этого она болталась у нее на поясе.

– Откуда он у тебя? – спросил Леша.

– Не помню, – ответила Наташа, быстро натянув рукав на запястье.

– А это? – Назаров коснулся синяка на ее шее. Он был в том самом месте, куда ему так хотелось ее поцеловать. Но отметина на засос не походила. Скорее на след большого пальца, который с силой вдавили в шею.

– Я стукнулась!

– Обо что?

– О косяк. Налетела в темноте, когда в туалет шла...

Леша слышал эти сказки много раз. Женщины, которых били мужья или просто приятели, постоянно придумывали вот такие невнятные отговорки, типа налетела на что-то в темноте, споткнулась, ни с того ни с сего потеряла сознание и упала... Бывало, некоторые заявляли, что сами себя душили во сне.

– Огоньков тебя избил? – напрямик спросил Леша.

– Нет, что ты! – запротестовала Наташа. – Он и пальцем меня не тронул...

– А что вы делали все то время, что оставались наедине?

– Разговаривали!

– О чем?

– Тебя это не касается!

– Согласен. Но как только ты скажешь, о чем беседовала с Огоньковым, я уйду и оставлю тебя в покое. Итак?

И Наташа не выдержала.

– Он изнасиловал меня! – закричала она с таким надрывом, будто с этим возгласом мечтала вытолкнуть из себя душевную и физическую боль.

Леша не поверил своим ушам. Как это – изнасиловал? Наташу?... Эту нежную девочку? Это чистое создание? Да как такое возможно?

– Я убью его! – прорычал он и развернулся, чтобы бежать к машине, прыгать в нее и ехать, ехать туда, где находится сейчас Огоньков. Назаров в тот момент реально жаждал если не его смерти, то крови.

– Нет, Леша, стой! – Наташа вцепилась в его руку. – Не надо, прошу...

– Надо, Наташа, надо...

– Леша, умоляю, не делай глупостей.

Назаров попытался вырваться, но слабая девушка так вцепилась в него, что ему было не сладить с ней, не применив грубой силы.

– Наташа, отпусти меня, – попросил он.

– Нет!

– Но ты делаешь мне больно. – Это было действительно так. Хотя боль его отрезвила. Леше стало ясно, что разобраться с Огоньковым сейчас вряд ли получится. Его просто-напросто задержат его охранники.

Наташа освободила руку Назарова и обессиленно опустилась на ступеньки. Она уткнула лицо в ладони и выдохнула дрожащим голосом:

– Я сама во всем виновата...

– Что ты такое говоришь? – ужаснулся Леша.

– Да, да, сама! – Она подняла на него огромные, полные слез и муки глаза. – Ведь я добровольно пошла с ним в комнату и дала себя поцеловать. А когда Стас начал ласкать мне грудь, не отбросила его руку. Я позволила ему себя трогать. Это было так приятно! А потом он стал вести себя грубо. Начал рычать от возбуждения, больно стискивать мою грудь. Он впился зубами мне в мочку уха. Это отрезвило меня, и я попросила Стаса остановиться. Я хотела только нежности и ласки, а не секса. Я отстранялась, упиралась в его грудь руками. Но он повалил меня на кровать, расстегнул «молнию» на моих джинсах, стянул их до бедер. Я умоляла его отпустить меня. Говорила, что еще невинна. Но Стас твердил одно – ты сама этого хочешь. Если б не хотела, не поехала бы со мной. Так что нечего корчить из себя недотрогу...

– Подонки!

– Возможно... Но он прав. Если девушка отправляется с мужчиной ночью за город, значит, он вправе считать, что она готова к сексу с ним, ведь так?

Леша не ответил. Потому что в принципе все было верно. Но даже если мужчина настроен на секс, а девушка ему отказывает, это еще не значит, что ее можно насиловать. Это в любом случае преступление, и за него сажают.

– Ты будешь заявлять на него? – спросил Леша. – Если да, нам надо ехать в больницу.

Он знал, каков будет ответ. И не ошибся в своих прогнозах. Наташа отрицательно покачала головой.

– Я такая дура, Леша, – вздохнула она. – Я самой себе жизнь испортила.

– Наташа, ты ни в чем не виновата! – А про себя добавил: «Разве только в том, что приняла подонка за благородного рыцаря!»

Наташа отмахнулась от него. Она все для себя решила. И чувство вины навсегда поселилось в ней.

– Я пойду домой, лягу, – безжизненно проговорила она и поднялась на ноги.

– Можно я провожу тебя?

– Не надо. Я хочу побыть одна.

И ушла. А Леша сидел в подъезде какое-то время и думал. Потом вскочил и бросился к машине. Забрался в нее и поехал за город. Туда, где сейчас находился Огоньков. Убивать его Назаров не собирался. А вот пустить ему кровь – да. Кулаки так и чесались. Назаров всю дорогу представлял, как врежет сначала одним, потом другим по самодовольной морде Огонькова, но...

Не вышло. Когда Назаров приехал к особняку, там уже никого не было – машины со двора исчезли. Потом Леша предпринимал еще две попытки по-мужски поговорить с Огоньковым, но и они провалились. Первый раз он не смог прорваться через охрану, второй раз прорвался, но не поднял на Стаса руки. А все потому, что рядом с ним в тот момент находилась пожилая женщина. Как выяснилось, бабушка певца. Она приехала навестить внука из провинциального городка, откуда Огоньков был родом. Разве мог Леша при ней ударить Стаса? Конечно, нет. Это для него, Леша, он подонки, а для старушки – любимый внук.

Со временем злость на Огонькова не утихла, а еще сильнее разгорелась. А все потому, что Наташа страдала. Она не показывала этого, но Леша ее чувствовал.

Первый месяц был самым сложным. Наташа не просто переживала из-за случившегося, она еще и боялась беременности. Огоньков ведь насиловал ее без презерватива. Еще недавно Наташа мечтала родить ребенка от Стаса. Но в тех мечтах он был ее мужем, а зачатие происходило с ее согласия. Иметь же сына или дочку от насильника Наташа не желала. Да и на что бы она его растила?

– Вырастим, – успокоил ее Леша, когда Наталья поделилась с ним своим страхом.

– Как это, вырастим?

– Просто. Ты и я.

– Леша. При чем здесь ты? Ты не обязан помогать мне.

– Но я хочу. Мы могли бы пожениться. И у ребенка появился б отец...

– Спасибо тебе, конечно, за доброту, но я не стану портить твою жизнь. У тебя еще появится нормальная семья, свои дети. А я буду матерью-одиночкой. И поделом мне.

Но пронесло! Наташа не забеременела. Хотя это принесло ей лишь временное облегчение. Чувство вины никуда не делось. Наталья продолжала изводить себя, а Лешу держать на расстоянии. Хотя он продолжал ухаживать за ней и звать замуж. Но Наташа считала себя недостойной его. Назаров такой хороший человек, такой благородный, а она... Она грязная!

Лешу эта формулировка ужасно злила.

– Что за глупости ты несешь? – кипятился он. – Какая же ты грязная?

– Я не девушка.

– И что? Слава богу, прошли те времена, когда после первой брачной ночи молодые вывешивали за окно простыню, чтобы все увидели на ней пятна крови и поняли, что невеста была девственницей. Да никто, никто, слышишь, не бережет то, что раньше называлось девичьей честью, до свадьбы. Потому что честь и плева – это не одно и то же.

– А я берегла. И мечтала подарить себя мужу в первую брачную ночь. Знаю, это глупо и несовременно. Но, согласись, нет лучше подарка для мужчины, чем такой.

– Не соглашусь. Главный подарок – ты сама. И не важно, девственница ты или нет. Тем более мы оба знаем, как ты лишилась невинности.

Но Наташа долго не оттаивала.

Все изменилось в Новый год. Леша пригласил ее к себе, чтобы встретить праздник вдвоем. Нарядил елку, как смог, приготовил курицу (естественно, она подгорела сверху и не прожарилась внутри), купил шампанского. Не пить, так стрелять пробкой в потолок.

Наташа пришла в десять вечера. Принесла салатики и домашний кекс. Раздевшись, быстро накрыла на стол. Пока она делала это, Леша любовался ею. Наташа по случаю праздника нарядилась. Надела платье, тогда как обычно носила джинсы. И пусть оно было давно вышедшим из моды, наверняка выпускным, и чуть тесновато ей в бедрах, все равно Наташа выглядела в нем необыкновенно привлекательно. Ей шел женственный стиль в одежде. И высокая прическа. И дешевые, но миленькие сережки в розовых ушках. И домовитость, делающая Наташу такой родной, что Леша не сдержался – сделал к ней шаг и обнял.

Нежно и как-то даже по-отечески.

Наташа вздрогнула всем телом и отшатнулась.

Назаров тут же разжал объятия, поспешно шагнул назад.

– Прости, – выдавил он из себя. Неприятно, когда от тебя шарахаются.

– Это ты меня прости, Леша, – проговорила Наташа с раскаянием. – Я просто испугалась...

– Понимаю. Ты задумалась, а я неожиданно полез со своими нежностями.

На самом деле он понимал, что все гораздо хуже. И напугалась Наташа не потому, что задумалась. Вернее, не только поэтому. После изнасилования она стала избегать тактильных контактов. Даже самых невинных. Как будто боялась спровоцировать человека, дотрагивающегося до нее, на что-то нехорошее и снова все испортить...

– Давай за стол садиться, – бодро сказал Леша. – Пора провожать старый год.

Наташа благодарно ему улыбнулась и кивнула.

– А давай откроем шампанское прямо сейчас? – предложила она.

– Как скажешь.

Леша откупорил бутылку. Да так лихо, что пробка улетела в прихожую, а шампанское низвергнулось в блюдо с горелой курицей. Наташа смеялась. И это было здорово!

Они встретили Новый год. Поели, чуть-чуть выпили (Леша глоток, Наташа фужер), поболтали. Часа в два решили прогуляться, а вначале посмотреть телевизор и попить чаю. Леша сидел на диване, Наталья в кресле рядом. В комнате стоял полумрак. Играла огнями елочка. Вкусно пахло Наташиным кексом. Они ели его, прихлебывали чай, смотрели на экран, и обоим было так спокойно и уютно, что не передать словами. Однако Наташа все же решилась.

– Мне так хорошо сейчас, – нарушила молчание она. – Да и просто с тобой... хорошо всегда. Но сегодня особенно. Мы как будто родные люди, которых даже молчание объединяет.

Леша хотел заметить, что давно считает ее родной, но Наташа протянула свою нагретую чашкой с чаем ладошку и приложила к его губам.

– Не надо, не говори ничего, – прошептала она. – Теперь моя очередь.

Наташа отставила чашку и пересела на диван, поближе к Леше. Не вплотную к нему, но все же довольно близко. И запах ее духов щекотал ему ноздри.

– Леша, я только теперь, кажется, поняла, что ты для меня значишь.

– И что же? – не мог не спросить он.

– Ты... Ты для меня все. – Она беспомощно развела руками. – Я не знаю, как это объяснить... Я просто сейчас представила, что случилось бы со мной, не окажись тебя рядом. Думаю, я пропала бы. Или покончила с собой.

– Что ты такое говоришь?

– Думаешь, у меня не было этих мыслей? Были, Леша. У всех, кто проходит через изнасилование, такое бывает... – Она зажмурилась, а потом выпалила: – Ведь меня не только Стас... После него еще двое. Но мне уже было все равно. Надо мной надругался тот, кого я любила, кого идеализировала... Это самое страшное. Тем более те двое подошли к этому процессу... По-деловому, что ли. Натянули презервативы и скоренько меня отымели. Видимо, у них так принято. Подбирать объедки с барского стола Огонькова. Он же накачивал девушек вином или дурью. Только я от всего отказалась. А лучше бы напилась... Глядишь, не так горько и противно было бы!

– Наташа, зачем ты опять?

– Да, ты прав, не стоит. Тем более я не о том хотела... – Она порывисто подалась вперед. Теперь не только духи, но и волосы щекотали нос Назарова, выбившиеся из прически пряди касались его лица. – Леша, я, кажется, тебя люблю! – выпалила она и тут же сникла. – Прости... Я дура. Что несую?

– А если бы ты знала, как я тебя люблю, – улыбнулся Леша. Глупо-счастливо улыбнулся. А потом еще ухмыльнулся, как полный идиот.

– Правда? – просияла она.

– Конечно, правда.

– Но ты мне никогда не говорил об этом.

– Я думал, ты сама все понимаешь... Без слов.

И потянулся к Наташе. Осторожно, чтобы не спугнуть. Сначала просто положил руку на ее ладонь, легонько пробежал пальцами по коже. Наташа не вздрогнула. Тогда Леша взял ее теплую ладошку и прижал к своему лицу. Она напряглась, но потом расслабила кисть и нежно провела пальцами по его щеке. От ее прикосновений у него мурашки поползли по телу. Такое случалось при сильном возбуждении. И не обязательно сексуальном. Например, перед матчем, когда Леша играл в футбол или хоккей, происходило то же самое. Но сейчас все его чувства обострились до такой степени, что все тело стало эрогенной зоной.

Наташа переместила ладонь на Лешину шею. Провела пальцами по ней, затем по затылку. Назаров замер. Он отдавался целиком своим ощущениям, смакуя их и радуясь тому, что они волнуют все его естество.

Когда возбуждение стало настолько сильным, что оставаться спокойным и безучастным Леша уже не мог, он обнял Наташу за талию. И прижал к себе. Она не отстранилась, но немного напряглась. И Леша решил действовать осторожнее.

Едва касаясь ее кожи, он погладил открытую Наташину спину, затем плечи, с которых соскользнуло платье.

– Как приятно, – прошептала она.

Воодушевленный, Леша осторожно коснулся губами нежной шейки, которую он давно мечтал поцеловать. Вот оно, счастье!

Назаров переместился с шеи на подбородок, затем поднялся к губам. От них пахло корицей и ванилином. А на вкус они оказались сладкими. Леша целовал Наталью очень нежно, но возбуждение так и рвалось из него. Он был страстным, напористым мужчиной. Любил овладевать женщинами, подчинять их своей воле. Этим он им и нравился. Последняя Лешина любовница, замужняя дама, говорила, что в нем есть что-то первобытное. Животное. Но не грубое. «Ты настоящий мужик, Назаров, – подытоживала она. – И я тебя умоляю, никогда не меняйся! Бабы не любят слюнтяев...»

Но Леша изменился. Сейчас. Ради Наташи. Обуздал свою первобытность. И, наверное, стал слюнтяем.

Наташа целовалась неумело. И обнимала Назарова так же. Как будто он не человек, а статуя. Но это было не важно! Все не важно, кроме того, что она рядом и позволяет себя целовать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.